

The poster features a man in a long, dark coat standing with his back to the camera, looking out over a desolate, post-apocalyptic landscape. The sky is filled with large, billowing clouds, and the ground is covered in ash and debris. In the background, there are mountains and a small, dilapidated building. The overall color palette is dominated by shades of yellow, orange, and brown, creating a somber and atmospheric mood.

МАКСИМ
РЕЗНИЧЕНКО

ЧЕЛОВЕК
ИЗ ПРОШЛОГО

Плетущие

Максим Резниченко

Человек из прошлого

«Автор»

2014

Резниченко М. Г.

Человек из прошлого / М. Г. Резниченко — «Автор»,
2014 — (Плетущие)

Как же все-таки изменчива жизнь. Сегодня тебе кажется, что все идет по плану. Все события происходят предсказуемо, ожидаемо. Но вот судьба совершает лихой разворот, и все встает с ног на голову. И невероятно остро встает вопрос: кто друг, а кто враг? И готов ли ты изменить судьбу или убедишься, что рок неотвратим? И что ты будешь делать там, в своем последнем сне, на грани жизни и смерти?

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	32
Глава 6	42
Часть 2	50
Глава 1	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Максим Резниченко

Человек из прошлого

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Часть 1

Видящая

Кто заплачет, когда ты умрешь?
Робин Шарма

Глава 1

Как же все-таки изменчива жизнь. Сегодня тебе кажется, что все идет по плану, по твоему плану. Все события происходят предсказуемо, ожидаемо, и ты готов к ним. Ты знаешь или предполагаешь, что будет завтра, послезавтра, через месяц... Но вот судьба совершает лихой разворот, и все вдруг встает с ног на голову. События, происходящие с тобой, перестают быть предсказуемыми, понятными, и оказывается, что ты к ним не готов. Люди, которым ты доверяешь, внезапно предстают в ином, совершенно незнакомом виде. Вдруг выясняется, что человек, которому ты готов был доверить свою жизнь, на самом деле является твоим врагом. Счастье, что прежде со мной подобного не случилось, и несчастье, что все-таки случилось. Высокие слова о бескорыстии, благородстве и Добре – удел подростков и максималистов, все еще верящих, что Добро всегда побеждает Зло. Мир относителен, и жизнь не терпит абсолютизма. Доверие – это главное. Именно на доверии строятся отношения. Доверие – фундамент и основа всего. Его мы ожидаем от родных и близких нам людей. Доверие, а точнее страх не оправдать его, практически всегда движет нами. Во всем остальном – только холодный и строгий расчет.

И вот человек, которому я доверял всегда, сколько его знал... мысли путаются. Внешне я старался быть спокойным, ничем не показывать своего состояния, но внутри меня бушевала самая настоящая буря. Она совсем недавно заменила растерянность и смятение. Я искренне верил, что окажусь готовым к новым знаниям, много размышлял на эту тему после разговора с Клаусом, пытался анализировать, но... Я не мог поверить, что мое доверие будет так жестоко предано. Так вышло, к этому я оказался не готов.

Предположить, что Марина Яковлевна не причастна к последним событиям, связанными со мной, Мишей, Аленой и неизвестной Плетущей, которая погибла в джунглях Филиппин, никак не получалось. Наоборот, принимая во внимание ее опыт, силу, колоссальный багаж знаний и мастерство, все встало на свои места. Головоломка практически собрана, не достает лишь пары кусочков, а так хоть сейчас вставляй ее в красивую рамку и вешай на стену. Именно она, наша Учительница, знала всех пострадавших, именно она могла предугадать каждый наш шаг. Именно она изменила свой облик, представ передо мной в виде Сони. Именно ее твари, человекоподобные создания, вооруженные хатисами, не давали мне покоя вот уже почти неделю. Не сомневаюсь, что она смогла каким-то образом не только изменить свой внешний вид, но и замаскировать ауру, представ в облике Старика с очень слабыми способностями Плетущего.

С каким-то непонятным облегчением я вдруг подумал, как же мне везло последние дни. Ведь я всегда оказывался в своих собственных снах, где являлся полновластным хозяином, а Марина Яковлевна могла лишь блокировать мое «созерцание» и использовать «живые» ресурсы – тварей. С другой стороны, свои ограниченные возможности она использовала больше, чем по максимуму. А я уже в который раз задался вопросом: смог бы я выжить даже сегодня ночью, не окажись рядом Стража? Наверняка. Если бы не стал даже пробовать спасти Алену. Смогли бы Семен и Соня оказать мне необходимую помощь? При этих мыслях воспоминания о событиях в Мертвом городе встали перед глазами страшными и скорбными обра-

зами. Тогда я потерял их всех и едва не погиб сам. Если бы не Клаус... Клаус. Я его совсем не знаю. Какие цели он преследовал на самом деле, когда сопровождал и помогал мне? Он ведь так и не открылся, он просто вывалил на меня ворох информации о событиях по большей части давно минувших дней. И он так и не объяснил, почему помог мне, почему вообще решил встретиться после стольких лет.

Я настолько глубоко задумался, что не сразу понял, что со мной пытались заговорить. Интересно, в который уже раз?

– Максим! – это Соня пыталась до меня дозваться. – Максим, где ты летаешь? Что вообще происходит?

Она прервала поток вопросов, увидев, что я, наконец, среагировал на ее голос, и замолкла в ожидании ответа.

Я огляделся вокруг, будто только что осознав, где нахожусь. Мы были в кафе, небольшом, но достаточно уютном. Несмотря на обеденное время, посетителей было не так уж много. Всю обратную дорогу с кладбища я молчал и попросту игнорировал вопросы друзей. После нескольких минут беспрестанных расспросов ребята отстали, так и не дождавшись от меня никаких пояснений. Мы молчали, когда возвращались в Киев. Молчали, когда я ставил машину на стоянку и потом, когда шли сюда, в это заведение. Разумеется, я не настолько впечатлительный, чтобы целый час находится в прострации или ступоре от того, что увидел могилу сына Марины Яковлевны. Все это время я думал, анализировал, складывал головоломку.

Да, осознав, что моим врагом является Марина Яковлевна, я был потрясен. Безусловно, до самого последнего момента я надеялся, безумно желал, чтобы все сложилось иначе, чтобы мои подозрения оказались напрасными и пустыми, как переспевший арбуз. Наверное, эта надежда сыграла со мной злую шутку, когда я увидел фотографию сына Марины Яковлевны на кресте, и мозг отказался верить тому, что узрели собственные глаза. Но деваться, конечно, было некуда, я принял этот факт, как данность... как задачу, которую необходимо решить. Решить, потому что прятаться и таиться не получится. По той простой причине, что я не смогу не спать, и жить сном без сновидений, чтобы избежать неизбежное, я тоже не смогу. Ведь именно во сне все и должно решиться. Вот так.

– Ты в порядке? – снова спросила Соня, заглянув мне в глаза.

Я сфокусировал на ней плывущий взгляд и молча кивнул. Поднял руку, привлекая внимание официанта. Девушка в форменной одежде подошла сразу.

– Водки. Сто грамм, – сказал ей. – Соленья и мясную нарезку. И пепельницу.

Она еще уточнила, какую водку нести, а потом отошла, но сразу вернулась и поставила на стол пепельницу. Я поискал глазами Семена и обнаружил его на улице, как раз за нашим окном. Он разговаривал по сотовому, постоянно оглядываясь на дверь в кафе. Двойной стеклопакет лишал возможности его услышать, но и без звука было ясно, что общение не доставляло нашему другу никакого удовольствия. Семена сейчас было не узнать. Куда делся его вечный позитив и веселье? Он недовольно вслушивался в трубку, потом начал говорить сам, бросая слова отрывисто и резко. Парень жестикулировал свободной рукой и принялся нервно расхаживать взад-вперед.

– Что это было? – Соня посмотрела на меня с удивительной смесью участия, недоумения и толики брезгливости, которая просыпается в ней каждый раз при упоминании водки.

– Как у Семена с женой? – спросил я ее вместо ответа.

– С Наташей? Прекрасно, насколько я знаю. А почему ты спрашиваешь? – удивилась она.

– Ты уверена?

– Я, конечно, не семейный психолог, но могу с уверенностью сказать, что в семье у них полный порядок, любовь и взаимопонимание.

– Вы часто видитесь?

– Довольно часто. Поэтому и говорю так уверенно, – покачала она головой. – Ты скажешь, наконец, что происходит?

– Вообще?

– И вообще, и с тобой, – она начала заводиться.

– Скоро ты все узнаешь.

– Скоро?

– Очень. Через несколько минут.

– Ты уже давно обещаешь мне свой всеобъясняющий рассказ.

– Я сдержу свое слово. Сейчас ты все узнаешь. Пусть Семен зайдет, чтобы не повторять его дважды.

– Хорошо, я подожду, – кивнула она.

Дверь на улицу открылась, и в помещение вошел Семен. Он снова выглядел, как всегда: весело и приветливо.

– Наташе звонил, – сказал он, усевшись за стол, – рассказал, что доехал нормально, а устроился еще лучше. А чего вы такие грустные сидите? О, Макс, ты уже с нами?

– Ты Наташе сейчас звонил? – спросила его Соня.

– Ну да, а что? – он сделал честные глаза.

– Что-то непохоже было, – обронила девушка.

– Не понял, – нахмурился Рыжий и обернулся к окну, видимо, только сейчас осознав, что стекло, зеркальное снаружи, изнутри было прозрачно. – Ах, вот ты о чем... Мне с работы еще звонили. Неприятный был разговор.

– Ты уверен? – спросил я его негромко.

– О чем ты? – он поднял брови.

Семен слишком хорошо играл, а я не мог начать рассказ, не расставив все точки над «и», не вставив последний пазл в головоломку. Я закурил сигарету и положил зажигалку на пачку сигарет. Снова взял зажигалку, покрутил ее между пальцами и положил обратно. Отбивая пальцами по столешнице некий ритм, опять взял зажигалку, но уже не положил на пачку, а перехватил другой рукой. Поймал недоуменный взгляд Сони, кивнул ей, едва заметно качнув головой. К счастью, она поняла меня правильно и промолчала. А Рыжий не спускал глаз с крутившейся в моих пальцах зажигалки. Наконец, когда я уложил одноразовую пластиковую штамповку на прежнее место, он оторвал от нее взгляд.

– Ну что, – выдавил он из себя, – что будем заказывать?

Соня поглядела удивленно, но теперь уже на Семена, чья веселость показалась настолько деланной, ненастоящей, насколько моя зажигалка походила на «Зиппо». Рыжий посмотрел на девушку, потом – на меня в ожидании ответа, и выглядел он совсем не жизнерадостно. Веселые складки в уголках губ и глаз показались неестественно глубокими и оттого – печальными, придав его лицу какой-то жалостливый вид. Он вздрогнул, когда я резко поднялся из-за стола и с громким звуком отодвинул стул.

– Ты куда? – сдавленно пробормотал Семен.

– Никуда, – уронил я, обошел его со спины и положил руки ему на плечи.

– Ты чего? – Рыжий попытался посмотреть на меня, запрокинув голову.

Соня, которая сидела как раз напротив него, обеспокоенно переводила взгляд с него на меня и обратно.

– Семен, – обратился я к другу, – ты помнишь, как на одном из занятий еще в классе Марины Яковлевны ты всех нас удивил своей кондитерской реальностью?

Я почувствовал, как напрягшиеся под моими ладонями плечи расслабились, и парень даже хмыкнул негромко.

– Конечно. Ну и вымазались вы тогда в шоколаде! Ха-ха! – Семен почти естественно попытался засмеяться, и у него это отчасти получилось.

Беспокойство в глазах Сони усилилось, но она продолжила хранить молчание, за что я был ей искренне признателен.

– Что тогда сказала Учительница, помнишь? – снова спросил я.

– Не совсем, а что?

– Ничего, просто. Воспоминания...

Я сделал небольшую паузу, так и не убрав рук с его плеч.

– А что тогда сказали остальные?

– Остальные?

– Да. Что мы тогда сказали?

– Ничего вы не говорили. Радовались очень и веселились, – достаточно спокойно ответил Семен.

– И Клаус?

Плечи едва заметно напряглись, но голос и интонация остались прежними.

– Клаус? – переспросил он. – Не помню.

А Соня глядела на Рыжего, уже не отрываясь. Беспокойство из ее глаз исчезло, уступив место озадаченности. Ее брови опустились, а потом и вовсе сошлись, нахмурились. Глаза прищурились, а губы превратились в тонкую линию.

– А сейчас?

– Что сейчас? – не понял он.

– Что сейчас Клаус говорит?

Плечи Рыжего напряглись быстро и сильно, а потом он, скинув мои руки, поднялся. Я не держал его. Зачем?

– Что за дурацкие вопросы? – бросил Семен мне в лицо. И произнес он это сейчас точь-в-точь, как несколько минут назад по телефону: резко, отрывисто и совсем недобро.

Совершенно спокойно я уселся на стул и взял наполовину истлевшую сигарету. Сделал несколько затяжек и затушил окурки в пепельнице. Соня смотрела на Семена, широко раскрыв глаза, и все силилась что-то спросить его, но слова не шли из ее горла, и девушка продолжала пожирать Рыжего глазами. А он так и замер, втянув шею и слегка сгорбившись, словно приготовился к драке. Ни тени улыбки на его лице не было, ни тени веселья. В этот момент подошла девушка с подносом. Она выставила на стол маленький запотевший графин с водкой, рюмки, тарелку с мясной нарезкой и блюдо с соленьями, пахнущими резко и вкусно.

– Что-нибудь еще?

– Нет, спасибо, – отправил я ее.

– На здоровье, – развернулась и ушла.

– Выпей, – кивнул на графин Семену. – Давай, не стесняйся. Все равно я тебя куда не отпущу.

– Почему ты так уверен? – хмурый взгляд исподлобья.

– Потому что ты мой друг, болван, – ответил я ему просто.

Еще секунду после моих слов Рыжий так и стоял, втянув шею и опустив голову, а потом из него словно стержень вынули. Он как-то сразу сник, его плечи опустились, и парень с шумным выдохом сполз обратно на стул. Он хорошо играл, но недостаточно убедительно, по крайней мере, для меня.

– Клаус жив? – наконец, Соня задала свой вопрос. – Но как?!

Семен опустил голову еще ниже, коснувшись груди подбородком, потом все же поднял глаза, но только для того, чтобы потянуться за графином.

– Он же погиб! – воскликнула девушка, и официанты в дальнем конце зала недоуменно обернулись на нас.

Парень избегал встречаться с девушкой взглядом. Он взял графин, но вместо того, чтобы налить его содержимое в рюмку, приложился к горлышку. Еще несколько минут назад Соня

от этого зрелища была бы в шоке, но сейчас она искала глаза Семена и ни на что больше не обращала внимания. В несколько шумных глотков Рыжий выпил всю водку, шумно выдохнул и вытер выступившие слезы. Потом жадно схватил с тарелки горсть квашенной капусты и отправил в рот.

– Ты знал? – повернулась ко мне девушка.

– Знал, – ответил ей спокойно.

– Давно?

– Нет, всего два дня.

– Ты об этом хотел со мной поговорить?

– В том числе.

– В том числе?

– Да, рассказ будет долгий, и Клаус – всего лишь его часть.

– Я не хочу больше ждать! – бросила она и ударила ладонью по столу, отчего столовые приборы жалобно звякнули. – Рассказывай сейчас!

– Не спеши, София.

Я очень редко называю ее так, и Соня знает, что если я обратился к ней по полному имени, то от нее требуется максимум внимания. Вот и сейчас она осеклась и сдержала рвущиеся наружу слова.

– Чтобы мой рассказ был полным, сначала Семен поведаст нам свою историю, – сказал я.

– Что вы хотите знать? – он поднял на нас глаза.

– Решай сам.

Я был уверен, что он не будет сейчас таиться и скрывать что-то важное. Я видел, какие мучения доставляют ему эти знания, и то, что он вынужден скрывать их от своих самых близких друзей. Он расскажет все, потому что сам того захочет, уже захотел.

Семен сидел, задумавшись, целую минуту, но ни Соня, ни я не торопили его. Наконец, Рыжий резко выдохнул, потянулся рукой и вытащил из моей пачки сигарету, закурил ее и откинулся на спинку стула.

– О том, что Клаус жив, я узнал совсем недавно, когда он внезапно нашел меня во сне, – начал Семен и кивнул Соне, – И был удивлен не меньше твоего. Ведь я же прекрасно помнил, что он погиб.

Девушка слушала Рыжего очень внимательно и даже не думала прерывать его расспросами.

– Он сказал тогда, что ему нужна помощь, – продолжил Семен.

– Как Клаус нашел тебя, он сказал? – спросил я.

– По табичу, – Рыжий пожал плечами, – тому, что остался еще с учебы.

– Странно, – промолвил я.

– Что именно?

– То, что для связи со мной он использовал одноразовый табич, – я пока не стал вдаваться в подробности и рассказывать про монету.

– Я почему-то уверен, что твоего табича у него не было. Тот, что оставался с учебы, он наверняка выбросил.

– Может быть.

– Не может быть, а точно, – поправил меня Рыжий. – Он сам как-то сказал. Я даже спросил тогда, зачем, но вы же знаете Клауса – это не человек, а ходячее высокомерие, помешанное на чудовищном самолюбии.

– А мой табич у него есть? – неожиданно спросила Соня.

– Не знаю, – Семен развел руками. – Думаю, что нет.

– Чем он просил помочь? – вернул я Рыжего к нашей теме.

– Да пустяк какой-то, – отмахнулся он. – Даже и говорить не стоит.

- Семен, – с нажимом произнес я, – в этом деле нет пустяков. Рассказывай все.
- Рыжий замялся и нехотя сказал.
- На самом деле... он...
- Да говори уже! Что ты ломаешься, как девица на выданье? – не выдержала Соня.
- Не кричи на меня! – также несдержанно ответил ей парень. – Он телефон твой у меня хотел узнать!
- Что?! – от удивления девушка даже рот открыла.
- Что слышала! – огрызнулся Семен.
- Соня отвернулась от него и устала в окно.
- Ты дал ему номер? – спросил я.
- Нет, не дал! – бросил Рыжий и уже спокойней добавил: – Сказал ему, пусть сам ищет Соноу, а я свахой не нанимался.
- Дурак, – сказала ему девушка. – Мог и мне сказать.
- Клаус просил не распространяться? – догадался я.
- Да, – кивнул Рыжий.
- А почему, он не сказал?
- Нет, не сказал.
- И у тебя, таким образом, появился маленький секрет.
- Секрет, – Семен брезгливо скривил губы в несвойственной ему манере. – Этот секрет для меня был хуже горькой редьки. Я сам собирался о нем рассказать, как только все уляжется.
- Что уляжется? – уточнил я.
- Ну, все это, – он сделал неопределенный жест рукой, – что сейчас происходит. Что кто-то убивает Плетущих.
- Он помрачнел лицом, схватил с тарелки тонко нарезанное вяленое мясо и закинул в рот.
- Рассказывай дальше.
- С тех пор прошел почти месяц, – продолжил Рыжий. – Я уже и забывать начал о Любимчике, когда он снова дал о себе знать.
- Он позвал тебя принять участие в каком-то деле, – предположил я.
- Да, – кивнул Семен. – Он сказал, что особый отряд Плетущих ловит какую-то преступницу.
- Так и сказал: «Преступницу»? – переспросил я.
- Да, так и сказал.
- А он не рассказал тебе, в чем состояла ее вина, какое преступление совершила?
- По его словам, и не только по его, она убила во сне человека.
- Кто еще так говорил?
- Марина Яковлевна.
- Учительница? – удивленно переспросила Соня.
- Она, – спокойно ответил Семен.
- Кого еще из Плетущих ты видел? – поинтересовался я.
- Кроме Клауса и Марины Яковлевны – никого. Хотя... – парень умолк, вспоминая, и через несколько секунд сказал: – Был еще один, но его лица я не видел.
- Опиши его, – попросил я, уже догадываясь, о ком пойдет речь.
- Он был в длинном черном плаще, и его лицо закрывал огромный капюшон, как у какого-нибудь монаха.
- Кого-то он мне напоминает, – задумчиво произнесла Соня.
- Я рассказывал вам о нем этой ночью, – напомнил я.
- Тот, которого ты... твое создание убило? – тихо переспросила она.
- Да.
- Постой-ка... – Соня даже приподняла ладонь.

- Этот человек – сын Марины Яковлевны, – негромко сказал я.
- Ты уверен?
- Абсолютно.
- Что-то я вообще ничего не понимаю, – вставил Семен. – Зачем ему нужно было охотиться за тобой? Ведь это же он пытался убить тебя, так?
- Так.

Глава 2

Над нашим столиком повисло напряженное молчание, и только приглушенная музыка, звучавшая из динамиков, пыталась его несмело нарушить. Семен повернулся на стуле и призывно помахал официантам у барной стойки. Одна из них тотчас подошла к нашему столику, и Рыжий заказал еще водку и коньяк. Коньяк – для Сони. Через несколько минут заказ был выполнен. Семен споро разлил напитки по рюмкам, а девушке – в бокал. Чокнувшись, опрокинули в себя их содержимое. Соня поморщилась и скривилась, когда соленым огурцом закусывала благородный напиток. Ну да, лимон или хотя бы сыр мы не заказали.

– Сегодня ночью, – обратился я к Рыжему, – ты не впервые оказался в моем сне?

Он не смог скрыть удивление, когда отвечал на мой вопрос.

– Нет, не впервые.

– Неделю назад?

– Да, – он виновато поджал губы. – Как ты понял?

– Догадался, – ответил полуправдой, потому что без предупреждения Алены, которое она нашептала мне на ухо, я бы уже и действительно догадался.

– Так это ты едва не убил бедную девушку? – ошарашено спросила Соня.

– Нет! – горячо возразил Рыжий. – Я даже не видел ее!

– Что же ты там делал? – задал я вопрос.

– Ничего.

– То есть?

– Марина Яковлевна просто оставила меня на улице и сказала, что я должен стоять на страже.

– На страже – охранять?

– Да. Как она сказала, могли появиться ее соучастники.

– Это было возле того дома, в котором сегодня ночью мы бились с тварями?

– Да. Только я стоял даже не у здания, а дальше – во дворе. Там длинный такой десятиэтажный дом.

– Где был Клаус? Это же он привел тебя в тот сон?

– Он. Я еще удивился, когда встретил там Марину Яковлевну. А где именно был Клаус, точно я не знаю, – Семен пожал плечами, – вроде бы я видел его с другой стороны здания. Видимо, Учительница поставила его на стражу там.

– Что-то еще она говорила тебе?

– Да. Марина Яковлевна сказала, что соучастники преступницы могут замаскироваться, изменив внешность, принять облик моего знакомого или даже друга.

– И что ты должен был делать, если таковые вдруг объявятся?

– Пытаться остановить их, – угрюмо ответил он.

– Самому? Или каким-то образом предупредить Марину Яковлевну?

– Учительница оставила со мной двух созданий.

– Тварей?

– Да, – кивнул Рыжий. – Тех самых, полуголых воинов. Уверен, если бы кто-нибудь появился, они бы смогли дать ей об этом знать.

– Сколько всего их было?

– Не знаю точно, но много, – ответил он, очень стараясь, чтобы скрыть раздражение.

– И тебя не смутил тот факт, что Марина Яковлевна так спокойно оставила наедине с тобой двух вооруженных тварей? Что она тебе толком ничего не объяснила, а оставила охранять подступы к дому, как какого-то сторожа?

Семен попытался что-то сказать, но проглотил слова и только гневно раздул ноздри.

– Ну а ты бы что делал на моем месте? – резко бросил он.

– Я не на твоём месте, – ответил ему спокойно.

– Нет, ты скажи, если такой умный! – завелся Рыжий.

– Я тебе уже сказал – я не на твоём месте.

– Да потому что ты сам не знаешь, что бы делал! А скорее всего, делал бы то же самое!

Правильно?!

– Может быть, – ответил я, всеми силами стараясь сохранять спокойствие.

– Не может быть, а точно! – бросил он зло.

– Хорошо, а теперь успокойся. Орешь, как базарная бабка, – жестко отрезал я.

– Хочу и буду орать!

– Семен, остынь, – вмешалась Соня.

– Да что вы меня все успокаиваете?! – завелся он уже всерьез. – Я вам не пацан сопливый!

Я взрослый мужик, который разменял третий десяток, у меня семья, дети...

– Заткнись, – я не узнал свой голос. Соня испуганно отпрянула, а Семен осекся на полуслове, но больше от удивления. – Ты хочешь знать, что бы я делал на твоём месте? Для начала я поделился бы со своим лучшим другом о необычном событии – появлении Клауса. И чихал бы я на все его просьбы не рассказывать о нем, потому что для меня важнее старый и проверенный друг, чем невеста откуда взявшийся Клаус. Он хоть намекнул тебе, где был все эти годы?

Взгляд Семена стал недовольным, а при последних моих словах парень и вовсе опустил глаза.

– Нет, – печатал я. – Он с тобой вообще ни о чем конкретном не говорил. Спрашивал про Соню, как ты сам сказал, и про меня, о чем ты умолчал, но я уверен, что так оно и было, – Рыжий не поднял глаз, молчанием подтвердив мою правоту, а я продолжил вбивать, как гвозди, слова. – Если ты не понял, то я скажу тебе просто. Клаус тебя использовал, Семен. Что бы ты сам по этому поводу ни думал.

Я перевел дух и продолжил уже спокойнее.

– А потом я рассказал бы обо всем Соне. Если бы по-прежнему был на твоём месте. И уж она сама бы решала, передавать Клаусу свои контакты или нет. И даже если допустить, что он все равно пригласил бы тебя принять участие в некоем сомнительном предприятии, ты мог, как минимум, посоветоваться со мной. Что тебе сказала тогда Учительница?

Семен поднял на меня хмурый взгляд, но не ответил.

– Она сказала тебе, что вероятный противник, так называемые соучастники, могут принять облик знакомых тебе людей. А ты вообще проверил, была ли та Марина Яковлевна настоящей? Уверен, что нет.

Он снова опустил глаза.

– А что тебе стоило на следующий день позвонить ей, чтобы убедиться, что Марина Яковлевна была настоящей? А ты знаешь, что сам пребывал на волосок от гибели? Знаешь?

– Догадываюсь, – пробурчал он.

Соня хотела что-то сказать, но, поймав мой взгляд, проглотила слова.

– И ты меня еще в чем-то упрекаешь! – бросил я ему. – «Будь ты на моем месте», – ты говоришь? А ты знаешь, кем был человек в черном плаще, сын Марины Яковлевны? Ты знаешь, за что он сдох и как?

Семен поднял глаза, и я прочитал в них скрытый страх. Соня налила себе в бокал коньяк и одним махом выпила его, не закусив. А я продолжил злым полупшепотом цедить страшные слова.

– Он убийца, Семен. Он мразь и ублюдок. И я хочу спросить тебя, чтобы ты, – сделал ударение на «ты», – делал на моем месте, окажись запертым в полуразрушенном городе практически без способностей, без возможности проснуться и без большей части памяти? Что бы ты делал на моем месте, Семен?

И Рыжий, и Соня смотрели на меня в немом изумлении.

– И что бы ты делал, когда на твоих глазах погибали бы твои самые близкие друзья? Что ты молчишь?

– Какие друзья? – просипел он.

– Кто погиб? – одновременно с ним спросила девушка. – О чем ты?

– Вы мои самые близкие друзья. Что здесь непонятного?

– Но мы не...

– А я не знал этого, – я оборвал Соню. Сделал несколько глубоких вдохов. – Сергей, который Угрюмый, погиб от потери крови...

– Не нужно, – попыталась прервать меня девушка.

– Нужно, – сказал я твердо. – Нужно, потому что вы должны знать, на что готов пойти враг.

Семен слушал меня с опаской, больше не пряча глаз, а Соня откинулась на спинку стула и скрестила на груди руки.

– Он умирал почти час, – разорвал я секундное молчание. – Никакие жгуты или перевязки ему не помогли. У Сергея была повреждена артерия на бедре, и он просто истек кровью. Чудо вообще, что он так долго продержался. И ни вышибить его из сна, ни как-то серьезно помочь мы ему не могли, потому что все это время отбивались от тварей.

Соня побледнела, а Рыжий, играя скулами, крепко сжал челюсти.

– Потом, – продолжил я, – погибла Катя. Ее схватило огромное чудовище, похожее на большого осьминога. Не хочу даже описывать то, что от нее осталось, когда я нашел ее... Ты, Семен, был следующим.

Он вздрогнул при этих словах и вжал голову в плечи.

– Огромная тварь, выглядевшая, как скорпион, но размером с лошадь, пробила своим хвостом тебе грудь насквозь. Я видел, как жало монстра вышло у тебя из спины.

Я умолк, чтобы закурить. Налил себе водку и выпил, не чувствуя ни вкуса, ни крепости. Я не хотел продолжать. Казалось, вспыхнувший огонь ярких воспоминаний поблек, но мне не дали потушить его.

– А я? – тихо спросила голубоглазая.

– Умерла от пчелиного яда, – коротко ответил ей.

– Пчелиного?

– Да. Вот только сами пчелы были размером с воробья.

– И они... ужалили меня?

– Нет, не ужалили, а ужалила. Тебя ужалила одна единственная пчела. Прямо в шею. Ты задыхнулась и не могла дышать, потому что твоя шея очень сильно опухла. Пришлось делать трахеостомию.

– Что это? – подавленно переспросила Соня.

– Это значит, что я сделал тебе прямо на шее разрез и вставил в него трубку, чтобы воздух попадал в легкие.

Девушка невольно потеряла шею. Я продолжил уже практически спокойно.

– Тебе был вколот преднизолон. Это сильнейший антигистамин. Он должен был помочь от пчелиного яда, точнее, от аллергической реакции на него, но не помог. Ты умерла у меня на руках.

Воспоминания окатили память страшными образами. Они были все еще слишком свежими. Невольно сдавило горло, и сердце заглодело отчаянной тоской. Я отвернулся, чтобы друзья не видели моего лица, и уставился в окно на проходящих мимо людей. Целую минуту я старался избавиться от боли. Наверное, мне это удалось, потому что невидимые тиски отпустили душу.

– И все это, – продолжил я, – было делом рук того самого человека в черном плаще. И я сожалею только об одном – что он умер быстро.

– Как он погиб? – хрипло спросил Семен.

– Он убегал. Я не мог стрелять, потому что держал на руках тебя, – кивнул Соне. – Но его схватило мое создание.

– Твое? – переспросила девушка. – Ах да, ты же говорил...

– Да. Я создал его из части тела уничтоженного мной осьминога, который убил Катю.

– И что с ним сделал этот осьминог? – с непонятной интонацией поинтересовался Семен.

– Он схватил его своими щупальцами за руки и ноги. А потом тянул в разные стороны до тех пор, пока не разорвал на части.

Рыжий едва заметно кивнул, и даже Соня, как мне показалось, испытала удовлетворение таким исходом.

– Ну что, Семен, – обратился я к нему уже совершенно спокойно. – Что бы ты делал на моем месте? Скажи мне, взрослый мужик, у которого семья, дети, квартира, работа.

Он не ответил, опустив глаза, а Соня вылила в бокал остатки коньяка и, так же, не закусывая, выпила его.

– Прости, – тихо сказал Семен, подняв голову. – Я был не прав. Нужно было действительно рассказать о Клаусе, как только он появился. И обо всем остальном тоже.

– Сколько раз ты видел его после того?

– Один раз – на следующий день.

– Я догадываюсь, с какой целью он встречался с тобой. Просил тебе отказаться от участия в каких бы то ни было мероприятиях?

– Не совсем так, – поправил он меня. – Клаус сказал, что вероятно со мной свяжется Миша или ты и попросит встретиться.

– И в чем заключалось его предложение?

– В том, что я вроде как соглашусь, но на встречу вместо меня пойдет он.

– И как он объяснил эту странную просьбу?

Семен нахмурился:

– Сказал, что хочет возобновить ваши с ним отношения.

– Допустим, – задумчиво протянул я, теперь совершенно точно зная, каким образом Клаус смог попасть в сон Миши. Туда, где находилась женщина, у которой на лбу горели цифры. Наверняка он принимал участие и в ее убийстве. Или «наказании преступницы», такой же, как Алена? Стоял ли он на страже или держал несчастную за руки-ноги – это мне еще предстоит выяснить. Все становится более-менее ясно, только сразу возник вопрос.

– Семен, – спросил я, – объясни, зачем ты звонил мне и сказал, что во сне был не ты?

– Я так решил, – ответил он твердо, – потому что когда той ночью Клаус явился ко мне, он был зол и раздражителен. Сказал, что Миша серьезно ранен, а сам он еле ноги унес. Снова попросил никому ничего не рассказывать и исчез, сказав напоследок, что найдет меня позже. И еще он сказал, что встречался с тобой под моим обликом.

– Ты хотя бы возмутился? – раздраженно мотнула головой Соня.

– Я не успел, – пробурчал Рыжий, – потому что он сразу извинился и сказал, что испугался предстать перед Максом в своем облике.

– И тогда ты решил, что с тебя хватит, и позвонил мне?

– Да, – кивнул он.

– После этого ты его видел?

– Нет.

– Он с тобой связывался?

– Нет.

– Он оставил свои контакты?

– Нет, – покачал головой Семен и поджал губы.

К столику подошел официант, поменял пепельницу, и я попросил принести апельсиновый сок.

– Мне чай с лимоном, – сказала Соня, отказавшись от сока.

Официант удалился, но быстро вернулся с нашим заказом, расставил на столе чайник, чашку, стакан с соком.

Глава 3

– Твое «скоро» уже наступило? – спросила меня Соня и отложила ложечку, размешав в чае сахар.

Я кивнул и начал свой рассказ с того момента, как мне впервые приснилась Алена. Я рассказал о том, как каждый раз меня выкидывало из сна, как только я оказывался рядом с ней. Рассказал, как со мной связался Миша и попросил помощи, потому что, как оказалось, ему снился точно такой же сон, но только жертвой был другой человек. О том, как мы встретились и добрались до места, как нас там встретил Клаус под обликом Семена, но тогда мы об этом не догадывались. Безусловно, нам и в голову не могло прийти, что Рыжий – это Клаус. Для меня он был мертв, а Миша его и вовсе не знал. Рассказал о первой встрече с человекоподобными тварями, вооруженными странным оружием, об их предводителе – седовласом старике. Рассказал о том, что, с его слов, он пришел защитить душу женщины от неких демонов. Рассказал о том, как на нас напали, о том, как Миша, хозяин сна, не мог полноценно плести по той причине, что ему кто-то ставил помехи. Рассказал о жестоком бое, в котором погиб Семен – это я тогда так думал. О том, как твари, несмотря на огромные потери, смогли пробиться к Плетущей и убить ее. Рассказал о звонке Семена на следующий день, который совершенно сбил меня с толку, заставив теряться в догадках, кто же тогда сражался рядом со мной под его обликом, и кто погиб. Я прервал повествование, чтобы отпить сок, а Семен произнес:

– Я не знал, как все было на самом деле. Но если бы знал, ни за что не позволил бы Клаусу пойти вместо меня.

– Тебе вообще ничего не мешало просто предложить ему присоединиться к тебе, – недовольно вставила Соня.

– Ну да, – ответил он. – Но Клаус был так убедителен и так... вежлив, что я не смог отказаться.

– Точнее, не отказаться, а сделать так, как хотел он, – жестко сказала ему девушка.

– Этот вопрос мы уже закрыли, – напомнил я. – Не будем снова к нему возвращаться.

– Но почему ты решил, что Миша в коме? – спросила она меня, моментально переключившись на другую тему.

– Я узнал об этом от его младшего брата. Он ответил на мой звонок, когда я звонил Мише.

– Где он живет?

– В Хабаровске, – ответил я.

– Ого! – удивилась Соня. – А я и не знала. Как же тогда к нему добираться? Это же Дальний Восток, граница с Китаем.

– Нет нужды ехать к нему, – пожал я плечами. – Физический контакт не поможет вывести Мишу из комы.

– Откуда ты знаешь?

– Уже проверил на Алене. Вчера ее забрали в больницу, и мне удалось ее там навестить.

– Понятно. Тогда нужно знать, где во сне искать Мишу.

– Найдем, – уверенно произнес я.

– Каким образом? – спросил Семен.

– Сон, в котором он находится, – это точная копия реальности. То есть, если Миша пребывает в больнице, значит, и во сне он будет находиться в больнице.

– Ты уже говорил об этом, но почему ты так уверен?

– Вспомни Алenu. Она живет в своей квартире, но во сне ее там не оказалось. Я нашел ее именно в больнице. Помнишь?

– Ну да, – кивнула Соня. – А как насчет другой Плетущей, той, которая снилась Мише?

– Получается, она действительно живет... жила где-то в тропиках. А если принять во внимание ее необычную, экзотическую внешность, то сомнений в этом не остается. Получается, жертвы во сне пребывают в точной копии реальности.

– А ты был в Хабаровске? – спросила Соня.

– Нет, не был.

– Как же тогда мы найдем этот сон?

– Во-первых, адрес больницы я узнаю у брата Миши. Во-вторых, с помощью интернета можно собрать о больнице и даже о городе всю нужную информацию, в том числе и фотографии.

– Было бы неплохо, если бы Миша приснился кому-нибудь из нас, как это случилось с Аленой и той женщиной из снов Миши, – сказал Семен. – Тогда и искать его не пришлось бы.

– Это исключено. Он никому не приснится.

– Почему?

– Потому что враг не хочет, чтобы ему кто-нибудь помешал.

– Но раньше ведь снились, – произнес Рыжий.

– Этот сон – западня для того, кому снится, – ответил я. – Потому что именно он становится следующей жертвой.

– А сейчас?

– А сейчас враг потерпел поражение – это я про Алену. Она выжила и вернула себе все силы. Противник не будет никого заманивать, он постарается избежать лишнего риска и вытянет из Миши все силы тихо и без шума.

– Как он заманивает? Как он это делает? – Рыжий был в недоумении.

– Я не знаю, – ответил честно, – но мне кажется, что только тот, кто достаточно хорошо знает свою жертву, кто сможет предугадать каждый ее шаг, принять облик друга, самого близкого человека...

– Учителя, – тихо уронила Соня, ни на кого не глядя.

– ... учителя, – кивнул я. – И тот, кто обладает достаточным мастерством, чтобы насыщать, навязывать кошмары, выбивая жертву из сил, именно такой человек способен установить невидимую и неосязаемую связь между этой самой жертвой и вторым Плетущим, тем, кому все это безобразия снится.

Мы умолкли, погружившись каждый в свои мысли. Соня допила чай и посмотрела на меня.

– Расскажи, как ты встретил Клауса, – попросила вдруг она.

– Это случилось в Мертвом городе.

– Мертвом? Что за странное название.

– Потому что я так назвал его, – ответил. – Когда-то это был сон о красивом, зеленом городе, который населяли счастливые люди.

– И где же он такой был? – вставил Семен, уже полностью преобразившись. Скинув груз опасных знаний, он снова стал тем Рыжим, которого мы знаем и любим. И, конечно же, он был прав в своем убеждении, что никто из нас не держал на него зла.

– Его создал Клаус, – я поднял руку, останавливая вопросы. – Как вы уже поняли, он не погиб, и все эти годы жил своей жизнью, занимаясь своими делами. Марина Яковлевна, кстати, знала о нем, но в силу неизвестных мне причин скрывала от нас этот факт.

– Почему же он не дал знать о себе раньше? – спросила Соня.

– Если он сам тебе об этом не поведаст при встрече, это сделаю я. Пока давайте не отвлекаться. Так вот, Клаус – настоящий Плетущий. Он выполняет ту же работу, что и мы, и каждый из Плетущих. Однако его методы отличаются от наших, по крайней мере, отличались до недавнего времени. Он помогал людям, но делал это просто – уничтожал угрозы, то есть тварей.

Он не заставлял людей побеждать свои страхи, меняться... Тем не менее, Клаус не оставлял «спасенных», он забирал их в специально отведенное место.

– Город? – догадалась Соня.

– Да. А чтобы обезопасить людей от тварей, он завел в нем полсотни Стражей, которые и следили, чтобы ни один монстр не проник в Город.

– Сколько же людей там было?

– Клаус говорил, что больше трех с половиной тысяч.

Ребята изумленно посмотрели на меня.

– Что случилось с этим Городом? – спросила Соня.

– Он был уничтожен ядерным ударом.

– Ядерным? – Семен вскинул брови, отчего его лоб прорезали глубокие морщины.

– Ядерным, – кивнул я.

– Ничего себе!

– Но кто оказался способен на такой чудовищный поступок? – поразилась Соня.

– Тот самый человек в черном плаще, – ответил я ей. – Так сказал Клаус, и у меня нет особых оснований не верить ему в этом.

– А что случилось с людьми, которые там жили?

– Те, кто в тот момент спал и находился в городе, погибли, – мрачно сказал я. – Заповедное место, которым был этот город, сыграло со своими жителями злую шутку. Ведь если обычный человек подвергается во сне смертельной опасности, то срабатывает природный механизм, и человека просто выбрасывает сна. За сотую, за тысячную долю секунды до смерти, но человек проснется, хотя сам он после пробуждения будет уверен, что погиб. А город, когда подвергся атаке, просто не смог отпустить своих обитателей, пытаясь до последнего защитить их. Люди не смогли покинуть сон, в котором их уничтожили.

– Что значит: «Город не смог отпустить»? – задала вопрос Соня.

– Я имею в виду Город не как здания, а Город, как те Стражи, что оберегали жителей от тварей. Они просто не успели защитить людей. Смерть пришла слишком быстро.

– С трудом представляю себе эту картину, – обронила девушка.

– Вот в этом Мертвом городе я и оказался, – продолжил я рассказ, стараясь не задумываться о всех тех, кто погиб водончасье. – Я был не один. Со мной были Клаус, Угрюмый, Катя и вы двое.

– Но как? Может быть, то были твари под нашими обликами?

– Нет, хотя проверить я не мог, потому что был лишен возможности «созерцать». На самом деле все оказалось гораздо сложнее. Клаус смог разложить мою личность на несколько составляющих, каждая из которых приняла иной облик, вид моих друзей в данном случае.

– Впервые слышу о подобном, – задумчиво произнесла Соня. – И как ты среагировал на Клауса?

– Никак, – вспомнил я. – В тот момент мне казалось, что мы сдаем выпускной экзамен. Моя память пострадала с разделением личности, и я не помнил ничего из того, что было позже.

– Ты имеешь в виду заключительный этап выпускного экзамена, когда мы оказались в каких-то развалинах и должны были найти точку выхода?

– Да, – кивнул.

– Я помню его. Выходом была зеленая дверь.

– Вот мы и искали эту дверь, – сказал я.

– И ты совсем ничего не помнил?

– Нет практически. Когда пытался что-нибудь вспомнить, начинала сильно болеть голова, а однажды я даже потерял от боли сознание. К тому же, нас постоянно атаковали твари, совсем не похожие на тех, от которых мы достаточно легко отбивались на настоящем экзамене. Среди них были человекоподобные – это «гориллы», мы прозвали их так за схожесть с большими

обезьянами. Были «волки» – двухметровые монстры, внешне схожие на настоящих волков, но только прямоходящих, как люди. Были «скорпионы» – огромные насекомые, каждого из которых по размерам можно было сравнить с лошадью. Большую часть тварей, кстати, уничтожил Страж.

– Твой змей?

– Да, но тогда он еще не был моим.

– Чьим же? – поинтересовалась Соня.

– Его создал тот самый человек в черном плаще, который спустил на нас остальных тварей.

– Сколько их всего было?

– Не знаю, но очень много. Горилл – не меньше полутора-двух тысяч, – при этих словах челюсть Рыжего отвисла. Еще немного, и я бы услышал, как она стукнулась об стол.

– Сколько? – переспросил он неверяще.

– Может быть, больше, я не считал. Большую их часть, как я сказал, уничтожил Страж. Волков было гораздо меньше, их перебили мы. Был еще большой паук и гигантский осьминог, который прятался за зеленой дверью.

– Вы нашли точку выхода? – живо спросила Соня.

– Нашли, – кивнул. – Только это оказалась ловушка. Когда Катя открыла ее, осьминог, прятавшийся за ней, схватил ее, ну и... – в горле вдруг встал ком.

– А что за паук? – поинтересовался Семен.

– Умная и хитрая тварь. Она предстала перед нами под обликом молодой девушки ... Еще был гигантский моллюск, обитавший в болоте.

– В болоте? В городе?

– Да. Раньше это было озеро. Мой осьминог уничтожил этого монстра.

– Ты говорил об этом, – кивнула девушка.

– Да. Были еще большие пчелы и муравьи, размером с крупную собаку. Но самое главное – нас постоянно преследовал Страж. Тот самый огромный белый змей, с которым вы сегодня ночью познакомились.

– Подожди секунду, – Соня даже руку подняла. – Ты уже упоминал про Стража и про то, что его создал другой Плетущий. Тот самый, который потом погиб, правильно?

– Да.

– Я не понимаю. Тварей и Стража создал и натравил на вас один человек, так?

– Так.

– Почему же тогда они воевали друг с другом?

– Все дело в их создателе. Им оказался довольно слабый и посредственный по возможностям Плетущий, тот самый человек в черном плаще, сын Марины Яковлевны. Мало того, что он совершил чудовищную ошибку, просто создав такого огромного Стража, но он еще и не смог должным образом «проработать» его. В итоге, змей даже напал на человека, но, естественно, причинить ему какой-либо вред не смог.

– И как же у тебя получилось переманить Стража? – спросила Соня.

– Признаться, все получилось само собой. Когда мой осьминог убил человека, змей начал умирать. Я говорю «начал», потому что Страж оказался настолько силен, что даже смерть не смогла быстро забрать его. Плетущий использовал очень много собственной крови при его создании.

– Идиот, – вставила Соня. – Неужели он не понимал, что такой монстр – это бомба замедленного действия? Он очень заметен и, как я поняла, оказался совершенно неуправляемым.

– Не совсем, – возразил я. – Самую важную задачу Плетущий смог вложить в его сознание. Она заключалась в том, чтобы найти и уничтожить нас.

– Все равно, это крайне неразумно – создавать такого огромного Стража.

– Полностью с тобой согласен. Опытный Плетущий так бы не поступил. Хотя, с другой стороны, если человек ставил задачу уничтожить нас любой ценой, то в этом случае его действия можно оправдать. И у него бы получилось задуманное, если бы Клаус не разложил мое сознание на пять составляющих, чтобы таким образом сбить Стража, который очень хорошо чувствует Плетущих, – я говорил, а сам вдруг понял, какое возникло противоречие. Если змей действительно так хорошо чувствовал Плетущих, почему тогда он не учуял Клауса?

– Значит, он знал, что на тебя была объявлена охота, – задумчиво произнесла девушка и добавила: – А не проще было вам объединить усилия и уничтожить там вся и всех?

– Об этом нужно спросить самого Клауса. От моего прямого ответа он ушел, так толком и не объяснив своих действий.

– Это все как-то... сложно, – Соня закусила нижнюю губу. – Как ты вообще там оказался?

– Не по своей воле. Я собирался искать Мишу, потому что как раз накануне узнал о том, что он в коме. Но, едва уснув, я оказался там, в Мертвом городе. А вообще, меня всю неделю мучили кошмары. Уверен, вымотать меня до предела – была одной из основных задач врага. Уставший Плетущий теряет бдительность и думает только об отдыхе.

– Согласна, – заметила Соня. – Но ты так и не закончил про Стража.

– На чем я остановился?

– На том, что он долго умирал, – напомнила она.

– Да, он очень сильно мучился, – вспомнил я. – Ко всему прочему, змей был сильно изранен, и у него даже отсутствовал один глаз.

Соня жалостливо вздохнула.

– Тогда-то я и решился на эксперимент, рассудив, что если его создатель умер, а он еще нет, то я вроде как не создаю Стража, а лечу его, что ли.

– Каким образом?

– Своей кровью.

– Кровью? – Соня задумалась на миг. – Очень оригинальное решение, но результат все равно предсказать было невозможно.

– Он умирал, – напомнил я, – и просил меня о смерти. Он просил прервать его мучения... Как бы то ни было, я решил рискнуть.

– Как это все происходило? – заинтересовано спросила она.

– Наверное, это было интересно, но на тот момент я был до предела измотан. Когда-нибудь я покажу тебе его перевоплощение.

– Он, что, изменился внешне?

– Еще как! Это сейчас он голубоглазый альбинос. А до того был черным, как смоль, с глазами желто-золотого цвета.

– Интересно. А как ты собираешься мне все показать? – удивилась Соня.

– Я нашел возможность просматривать собственные воспоминания.

– Чего же тут необычного? – вставил Рыжий. – Можно и так вспомнить все, что нужно.

Для этого только...

– Нет, – перебил я его. – Мне удалось оживить воспоминания, стать их участником, наблюдать со стороны в том числе и за собой.

– Ничего себе.

– Да, – кивнул, – я сам был удивлен не меньше вашего, когда понял, что именно у меня получилось.

– А как-то влиять, воздействовать на свои воспоминания ты можешь?

– Нет. Но когда мы закончим со всем, я обязательно вам объясню и покажу, как добиться необходимого эффекта.

– Что было потом? После того, как ты излечил Стража? – Соня вернулась к теме разговора.

– Потом я покинул Мертвый город.

– Ты нашел точку выхода?

– Нет, – покачал я головой и продолжил глухим голосом. – После того, как я остался единственным выжившим, все способности, до того разделенные между каждой из моих составляющих, вернулись ко мне. И мне не составило труда покинуть сон.

– Подожди, – взволнованно перебила девушка. – Ты хочешь сказать, что другой возможности покинуть ту реальность у тебя не было?

– Такая возможность была. Но для этого нужно было, чтобы все пятеро: Угрюмый, Катя, ты, ты и я одновременно попытались покинуть сон.

– Почему же тогда...?

– Я узнал об этом только после нашего с Клаусом разговора, когда все твари были уничтожены, а человек в черном плаще погиб.

– Почему же он раньше не рассказал об этой возможности? – я бы затруднился сказать, чего в голосе Сони было больше: удивления или негодования.

– Как он сам сказал, ему было интересно наблюдать за мной.

– Но ты же мог погибнуть!

– Мог.

– Ну, я ему выскажу! – разозлилась девушка.

– Вообще-то, – сказал я, – мне кажется, была еще одна причина, по которой Клаус не стал мне рассказывать об этой возможности раньше.

– Какая?

– Думаю, он опасался, что существовала вероятность отдельного существования каждой из моих составляющих. После того, как они покинули бы тот сон.

Соня уже не спешила с обвинениями и задумалась над моими словами.

– Никогда раньше не слышала ни о чем подобном, – повторила она, – поэтому мне трудно делать выводы, не имея практической базы. По крайней мере, я точно не хотела бы оказаться разделенной на несколько разных личностей.

Семен подозвал официанта и заказал всем чай. Через несколько минут мы уже осторожно потягивали ароматный кипяток.

Глава 4

– Ты оказался в эпицентре множества событий, но, мне кажется, это еще не все, о чем ты хотел рассказать, – отставила чашку Соня. – Что было дальше, после того, как ты покинул Мертвый город?

Вкратце я рассказал о своей командировке, делясь впечатлениями о так понравившемся мне Минске.

– В следующую ночь, – продолжил я, – на меня напали. Я как раз возвращался в Киев...

– Это в тот день, когда мы с тобой говорили по телефону? – уточнила девушка, – Позавчера?

– Да. Во сне я оказался в поезде битком набитом теми самыми человекоподобными тварями, вооруженными хатисами.

– Сколько их было? – спросил Семен.

– Достаточно много.

– Как ты их одолел? Или покинул сон?

– Нет, не покинул. Я выбрался из поезда...

– На ходу?

– Нет, к тому времени он уже остановился, – ответил я, а сам уже в который раз задумался, почему вагон, в котором я находился, не пострадал, не был раздавлен, как другие. – Я выбрался из поезда и сумел отойти от него на достаточное расстояние, чтобы иметь возможность успешно отражать атаки тварей. После того, как они все были уничтожены, я вернулся в поезд, чтобы найти того, кто натравил их на меня.

– Нашел? – спросил Семен.

– Нет, он успел уйти.

– А ты?

– И я, – ответил коротко, вспомнив охватившую невесомость, когда состав сорвался с путей и рухнул в кипящую тяжелыми облаками бездну. – Ну а потом вы уже и сами знаете – мы пробивались к дому, в котором живет Алена.

– Но ее там не оказалось, – заметила Соня.

– Верно, ее там не было. Накануне днем я был там, чтобы найти Алену.

– Этот дом существует наяву? – поинтересовался Рыжий.

– Да, я уже говорил об этом. Я поехал туда, чтобы попытаться вывести Плетущую из комы, но, как оказалось, девушку уже забрали в больницу – ее мать вызвала Скорую.

– Почему она раньше этого не сделала?

– Они с внуком были за городом, а когда вернулись и застали Алену в таком состоянии, Людмила Николаевна, так зовут ее мать, сразу вызвала Скорую.

– Ты ездил к ней в больницу?

– Да, я нашел их там, но, к сожалению, совершенно упустил из виду этот факт, когда планировал свои действия во сне.

– Ты не мог знать наверняка.

– Возможно, ты права.

– Слушай, а как ты выбрался из дома? – вспомнила Соня.

– По тросу. Привязал его к батарее и спустился вниз. Там меня уже ждал Страж, с помощью которого я смог быстро добраться до больницы.

– Там много было тварей? – сверкнул глазами Семен.

– Достаточно. Если бы не Страж, я возился бы с ними гораздо дольше.

– И какие они были?

– Семен, ты по драке соскучился?

– Да нет, просто интересно.

– Уверен, что в самое ближайшее время тебе удастся утолить свою жажду крови, – заверил я его.

У Семена даже зрачки расширились, настолько он был возбужден предвкушением предстоящих схваток.

– И еще, – сказал ему строго, – ты должен лучше контролировать расход боеприпасов во время боя.

– Не понял, – удивился он.

– Ты слишком неэкономно расходует патроны.

– Какие проблемы? – пожал он плечами. – За две-три секунды я «достану» новое оружие с полным магазином.

– И с патроном в стволе?

– Ну...

– Пойми, эти секунды могут стать последними в твоей жизни, если ты не научишься не только экономно расходовать патроны, но и оглядываться на товарищей.

– Ты о чем?

– Вспомни сегодняшнюю ночь, бой у лестницы, когда вы с Соней удерживали проход.

– И что? – нахмурился он.

– Мало того, что за несколько секунд ты расстрелял весь магазин, так у тебя это получилось сделать тогда, когда и Соня использовала свой боезапас.

– Так твари же лезли!

– Что, тридцать сразу?

– Почему тридцать? – удивился Рыжий.

– А сколько патронов было в твоём магазине?

– Тридцать...

– И сколько тварей ты убил?

– Ну, штук пять или шесть, а что?

– Ты убил двух нападавших и ранил третьего, – вставила Соня.

– Не знаю! – заявил Семен вспльчиво. – Они постоянно лезли, и их было много!

– Послушай, – сказал я ему. – Ты должен придерживаться правила: одна пуля – одна тварь, ну или две пули на тварь, но не десять, понимаешь?

– Да понимаю я, – бросил он. – Просто я не ожидал такой свалки, вот и переборщил немного.

– Так бы сразу и сказал, что...

– Соня! – оборвал я девушку, не дав ей сказать: «струсил».

– Угу, – она отвернулась.

– Семен, ты понял, что я от тебя требую?

– Требуешь? – он растянул гласные, выразив крайнюю степень недоумения.

– Именно требую, – ответил я жестко. – Если ты не согласен выполнять мои требования, то я отказываюсь от твоей помощи.

Соня искоса посмотрела на меня, подняв одну бровь, как бы говоря: «Ты уверен?»

«Я уверен!» – показал всем своим видом, потому что действительно не собирался подвергать риску ее, свою и Семена жизни только из-за того, что Рыжий отказывался понять, в чем заключается его ошибка. А если он понял, но ему не понравилась формулировка, то это уже его проблемы. Я на самом деле требовал.

Молчание затянулось, но я не спешил его нарушать. Я уже высказал свое мнение и не собирался его менять. Слово за Семеном. Он какое-то время буравил меня негодующим взглядом, но через минуту все-таки произнес:

– Я согласен. С твоими требованиями.

Молча кивнул ему и закурил. Из скрытых динамиков лилась тихая музыка, придавая и без того уютному интерьеру заведения неуловимый оттенок спокойствия и умиротворенности. Показалось? Я прислушался и с немалым удивлением узнал Бена Вебстера и неповторимые вздохи его саксофона. Что же, следует отдать должное вкусу администратора, или кто здесь отвечает за музыкальное сопровождение. Мне осталось сообщить друзьям самую скверную новость.

– Теперь я понимаю, – Соня прервала затянувшееся молчание, – почему Алена не стала говорить вслух, кого она видела, когда ее отправили в кому, ранив отравленным ножом.

Семен тоже понял, но ничего не сказал и отвернулся к окну.

– Она видела тебя, – показала девушка на него, – среди тех, кто принимал участие в... покушении. Она ведь про Семена сказала тебе? – вопрос был уже ко мне.

– Да. И про Клауса – тоже.

– Если честно, – произнес Рыжий, отворачиваясь от окна, – я не понял, зачем Учительнице понадобилось ее убивать? При чем здесь Клаус? Почему пытались убить тебя? Я не могу уловить всю цепочку событий.

– Я помогу, – кивнул ему. – И нам уже пора заняться делом.

Потушил сигарету в пепельнице и продолжил:

– Со слов Алены, она оказалась в коме, когда ее ранили отравленным ножом. Каким-то образом сознание Плетушей перешло на иной уровень восприятия, или, проще говоря, она стала своеобразным призраком, невидимым и неслышимым. Она сообщила, что всем управляла Марина Яковлевна, в том числе, она и руководила тварями. Если я не ошибаюсь в расчетах, каждую ночь, начиная с той самой, Алена начала мне сниться. Сновидения о ней перемежались кошмарами, которые очень сильно меня выматывали. За несколько дней до этого Клаус принял участие в схожей операции по поимке, в кавычках, другой Плетушей, которая снилась уже Мише.

– Почему ты так думаешь? – спросила Соня.

– Очень просто. Клаус оказался там без помощи Миши. А ты сама прекрасно знаешь, как сложно, если не сказать «невозможно», найти один единственный сон только лишь по описанию. Именно эту версию выдал он сам. Клаус добрался до места очень быстро, значит, уже бывал там до этого. Если он уже посещал тот сон, значит, имел к происшедшему самое непосредственное отношение. Так вот, Плетущая из джунглей снилась каждую ночь Мише. Его, кстати, также мучили кошмары. Он попросил меня о помощи. И Семена. Поддавшись уговорам Клауса, он не явился на встречу, а вместо него пришел наш пропавший много лет назад одноклассник, но под обликом Семена. Именно в этом сне я впервые столкнулся с человекоподобными тварями, которые были вооружены странным оружием, хатисами. Их предводитель заявил о том, что появился здесь, чтобы защитить душу несчастной от демонов. Причем сам он старательно делал вид, что не знает, кто такие Плетущие. Наше с ним общение было прервано предупреждением Миши о приближавшихся монстрах. Мы приняли бой, в ходе которого погиб, как я тогда думал, Семен. Миша, по моему приказу, покинул сон, но, как оказалось позже, наш друг оказался в коме. Видимо, его так же, как Алену, ранили отравленным клинком. Нужно еще сказать, что Миша, как хозяин сна, пытался воспользоваться своими возможностями при отражении атак монстров, но ему ставили помехи. Позже выяснилось, что именно Клаус мешал ему. И он же руководил нападением тварей – они были его созданиями.

– Что? – не поверил Рыжий.

– Почему?! – изумилась Соня.

– Об этом рассказал сам Клаус.

Широко раскрытые глаза красноречиво сказали о шоке, который ребята испытали, услышав эту новость.

– Задача монстров, – продолжил я рассказ, – которыми управлял Клаус, заключалась в убийстве предводителя тварей, о котором я уже говорил. Встретив жестокое сопротивление с нашей стороны, Клаус сменил тактику и дал им новую цель – умирающую Плетущую. В ту ночь на ее лбу горела «единица». В общем, если не вдаваться в подробности, монстры смогли выполнить поставленную задачу – они добрались до несчастной и убили ее.

– Я что-то не понимаю, – задумчиво протянула Соня. – Ты же говорил, что Клаус был под обликом Семена. И он руководил атакой монстров. И его убили собственные создания?

– Он инсценировал свою смерть, – ответил я ей. – Как бы то ни было, но я был последним, кто покинул этот сон. Мы истребили всех нападавших, а они уничтожили всех защитников. Их предводитель успел покинуть сон. Про Мишу и Клауса я уже сказал. Проснувшись, я попытался дозвониться до Миши, но безрезультатно. Уже днем со мной вышел на связь ты, – я кивнул Семену, – и рассказал, что этой ночью не встречался ни со мной, ни с Мишей. На следующий день мне удалось ему дозвониться, но трубку поднял его брат, который и сообщил, что Миша в больнице, в коме. Не откладывая, я ушел в сон, чтобы найти его, но чужая воля забросила меня в Мертвый город. Там, как вы уже знаете, меня ждал сын Марины Яковлевны и его бесчисленные твари. Когда все монстры и их создатель были уничтожены, а я снова стал самим собой, у нас с Клаусом состоялся разговор. Тогда он и поведал про то, как подменил Семена. Дальше вы знаете.

– Спасибо, что объяснил, – сказал Рыжий. – Теперь я примерно представляю всю цепочку событий. Но одно мне не ясно.

– Зачем? – угадал я.

– Да. Зачем? – кивнул он вместе с Соней.

– Я не знаю, – ответил честно, – хотя имею представление, почему Плетущих отправляют в кому.

– Почему?

– Яд, который погружает Плетущих в бессознательное состояние, лишает их возможности сопротивляться, – начал я. – Жертва пребывает в таком состоянии семь дней, а убийца все это время выкачивает из нее жизненную энергию. Так вот, семь дней – это тот минимальный срок, за который палач в состоянии усвоить силу Плетущего. Вероятно, можно справиться и быстрее, но в таком случае возникает риск сгореть самому.

– Так что же это получается? – обалдело промолвил Семен, но умолк, пораженный догадкой.

– Получается так, что убийца, а у меня уже нет сомнений, что это Марина Яковлевна – все улики указывают на нее, хладнокровно отравляет Плетущих в кому и выкачивает из них жизненную энергию.

– Этого не может быть, – тихо произнес Рыжий. – Она же... Она же нам, как мать была. Она учила нас десять лет...

Соня пока никак не отреагировала и лишь нервно крутила в руках давно уже пустую чашку.

– Что-то подобное я начала предполагать, когда Семен рассказал о своих встречах с Клаусом и обстоятельствах, с ними связанными, – она со звонким стуком поставила чашку на блюдце. – Но я и подумать не могла, что все настолько... настолько корыстно. Остается вопрос, для чего ей могло понадобиться столько энергии. Ведь каждый из нас обладает действительно большим запасом жизненной силы.

– Это мне неизвестно. Честно говоря, я даже знать этого не хочу. Вспомните, как она же нас учила: «Нападение на Плетущего не должно оставаться безнаказанным. Твари должны бояться вас, а не наоборот».

– Мы не справимся, – едва слышно обронила Соня.

– Макс, ты, что, собрался воевать с Учительницей? – вытаращился на меня Семен. – Есть и другие, более простые способы свести счеты с жизнью.

– Я согласна, это плохая идея, – посмотрела мне в глаза девушка.

Музыка, лившаяся из динамиков, смолкла, будто испугавшись наших разговоров. Но через несколько секунд колонки снова ожили, но уже новой композицией.

– Именно поэтому вы не станете лезть в драку, – ответил я им.

– Ты спятил?!

– Что ты такое говоришь?!

– Пожалуйста, не нужно спешить!

– Она же тебя тонким слоем по стенке...!

– Это безрассудно!

До чего же приятно осознавать, что я настолько дорог своим друзьям, что они готовы сами дать мне по башке, связать и спрятать куда-нибудь подальше, только чтобы я не натворил глупостей. Вот только они забывают – ни спрятаться, ни убежать не получится. И позволить Мише погибнуть я не смогу. Соня и Рыжий покричат сейчас еще немного, поругаются – о, вот уже и идиотом обозвали – и все равно полезут за мной, наплевав на смертельную опасность и безнадежность затеи. Для них моя авантюра действительно может оказаться непосильной. И если в Соне я более-менее уверен в том смысле, что в боевых условиях она беспрекословно подчинится, то Семен – это совсем другой случай. Рыжий – плохой солдат, потому что ему нужно все объяснить, прежде чем он выполнит приказ. А времени на такую роскошь, как разговоры, уже не будет.

Мои друзья понемногу успокоились и уже не кричали на меня и даже не махали руками. Я с улыбкой смотрел в их злые лица. А ведь они прекрасно знают, что не оставят меня одного, как еще лучше осознавали тот факт, что меня остановить невозможно. Вот они и злятся.

– Мы не пустим тебя, – бросила Соня раздраженно. – И чего тут веселого?

Я покачал головой, молча ожидая, когда они будут готовы слушать.

– Да ему бесполезно что-то говорить, – сказал Семен девушке. – Он уже все решил. Смотри, как ухмыляется.

К столику подошел официант, убрал со стола, а потом, по моей просьбе, принес счет.

– Сколько там? – проворчал Рыжий, доставая портмоне, а Соня водрузила на стол свою ужасно модную сумочку и запустила в нее руку.

– Угощаю, – я не смог сдержаться и произнес это все с той же улыбкой и принялся отсчитывать купюры.

– Ладно, – пробурчал Семен, – но тогда в следующий раз угощаю я.

– Рассказывай, что ты задумал, – обратилась ко мне Соня уже гораздо спокойнее.

– Друзья, – сказал я им, – за вами так интересно наблюдать.

Они явно не ожидали этих слов и снова нахмурились.

– Мы поступим следующим образом, – я стер с лица улыбку. – Адрес больницы, где лежит Миша, будет. Нужны фото и видеоматериалы, если таковые найдутся, по самой больнице и трех-четырех кварталов вокруг.

– С этим ясно, – кивнула Соня. – У тебя уже есть план действий?

– Да, я буду пробираться к Мише.

– Но...

– А вы займетесь другим делом, – я не дал ей закончить.

– Каким? – спросил уже Рыжий.

– Вы должны будете найти Клауса.

– У меня нет его табича, – он развел руками.

– У меня тоже, – повторила Соня. – Хотя дома, в Москве, если порыться в старых вещах, может быть, я его и нашла бы. Или я его выбросила? – спросила она сама себя. – А у тебя нет?

- Есть, – кивнул ей.
- Что нам делать, когда мы свяжемся с Клаусом?
- Думаю, вам будет о чем поговорить, но слишком не затягивайте с беседами и как только будете готовы, дайте знать. Я тотчас вытяну вас к себе.
- С Клаусом?
- Естественно.
- А если он не захочет с нами общаться или переходить к тебе? – поинтересовался Семен.
- Захочет. Я уверен в этом. Но чтобы он вообще ответил, вызывать должна будешь ты, – посмотрел я на Соню.
- Хорошо, – ответила она не сразу.
- Что нам делать, если Клаус не ответит на вызов? – задал вопрос Рыжий.
- Он должен ответить. Но если все же нет, выходите на связь со мной.
- И ты вытянешь нас к себе?
- Посмотрим, – ответил уклончиво.
- Макс!
- Семен, я сказал «посмотрим», потому что вполне может стать так, что это вы будете вытягивать меня. Я не знаю, как сложатся обстоятельства, и никто не знает.
- Он сильно изменился? – спросила вдруг Соня.
- Кто? – не понял я.
- Клаус.
- Задумался на секунду, вспоминая.
- Если ты о внешности, то это вопрос к Семену, потому что в Мертвом городе он, как и все мы, выглядел подростком.
- Он почти не изменился, – пожал плечами Рыжий, когда Соня повернулась к нему. – Только прическа другая, по-моему. Да, точно, у него сейчас короткие волосы, как у Макса.
- С некоторым удивлением я вдруг осознал, что Соня нервничает и волнуется предстоящей встрече. И этому может быть только одно объяснение. А вот теперь я удивился по-настоящему. В конце концов, мы взрослые люди и сами отвечаем за свои поступки. Что-то, видимо, изменилось в моем лице, потому что девушка, глянув на меня, отрывисто бросила:
 - И что ты так смотришь? Ну спрашиваю я, ну и что?
 - Да нет, все нормально, – я примиряющее поднял ладони.
 - Ты рассчитался? Да? Тогда идем. Пора заняться делом, – слишком эмоционально и все так же резко сказала Соня.
 - Постой, – остановил я ее. – Не спеши.
 - В чем дело? – нахмурилась она.
 - Сейчас объясню, ты только вдохни и выдохни пару раз поглубже.
- Соня поняла меня правильно.
- Извини, – холодно произнесла она.
- Никто не лезет в твои личные дела. Ты это прекрасно знаешь.
- Закроем эту тему.
- Закроем, – кивнул ей.
- А Семен так и не понял, почему изменилось поведение девушки. Он только сейчас оторвался от своего сотового и недоуменно посмотрел на Соню. Что он там искал? Телефон!
 - Семен, – обратился я к нему вкрадчиво.
 - Что? – он нахмурился на мой необычный тон.
 - Ты ничего не хочешь сказать?
 - Что сказать? – не понял он.
 - Про Клауса. Ты же говорил с ним по телефону, когда выходил на улицу.
 - Ну да, а что?

– Рыжий, ты совсем глупый? – не выдержала Соня, когда и до нее дошло. – У тебя же должен сохраниться номер сотового, с которого тебе звонил Клаус. Благодаря ему, мы свяжемся с Клаусом прямо сейчас!

– Что ты раскричалась?! – в тон ей ответил парень. – По-вашему, я совсем идиот, что ли? Как будто я не мог сказать, что могу просто ему позвонить! Его сотовый отключен, хотя я думаю, что Клаус просто сменил сим-карту.

– Только не говори, что узнал об этом только сейчас, когда копался в своем телефоне, – сказала Соня с изрядной долей сарказма.

Семен ничего не ответил, только запыхтел, как паровоз.

– Что и следовало доказать!

– Соня, – я постарался вложить в голос хоть немного укора, но вид надувшегося Семена скорее веселил, чем огорчал.

– Что?

– Я не узнаю тебя.

– Значит во мне еще достаточно загадки, – очаровательно улыбнулась девушка. И куда делась ее нервозность? – Что еще ты собирался нам сказать?

– Шутки в сторону, – произнес я. – Сейчас слушайте внимательно и запоминайте, – Соня и Семен перестали дурачиться и со всем вниманием посмотрели на меня. – На случай, если по какой-либо причине у меня не получится добраться до Миши и вывести его из комы, это должны будете сделать вы. Тихо! – движением руки я оборвал готовые посыпаться вопросы. – Все может быть, и вы должны об этом знать не хуже меня. Так вот, во-первых, без Клауса даже не пытайтесь пробиться к Мише. Вам не хватит ни сил, ни знаний. Можете подключить Катю и Сергея, которых нужно будет ввести в курс дела. Насчет Угрюмого ничего сказать не могу, а Катя наверняка согласится пойти в бой, когда узнает, что дело касается Миши.

– Почему это? – не понял Семен, а Соня поглядела на него с неммым укором. Она поняла все без лишних объяснений.

– Потому что у них отношения, – ответил я.

– Я и не знал.

– Никто не знал. Почти.

– Но ты же знаешь!

– Теперь знаете и вы. Хватит об этом. Сейчас главное другое. Во-вторых, может стать так, что кроме вас вывести Мишу из комы будет некому. И вы должны знать, как это сделать.

К столику подошел официант и забрал со стола счет с вложенными деньгами.

– Чтобы пробудить Плетущего, – продолжил я, – необходимо разорвать канал, по которому из него выкачивается энергия. Вы сможете его обнаружить, если посмотрите на жертву особым зрением.

– Нужно «созерцать»? – уточнил Рыжий.

– Да. Но увидите его не сразу, он будто ускользает от внимания. Не пытайтесь тянуть его, рвать или резать – это бесполезно. Канал уничтожается огнем. Вы должны представить, как он сгорает, и претворить желание в реальность. Не сразу, но жертва очнется.

– Я помню, как ты что-то плел, – произнесла Соня задумчиво, – только не знала, что именно ты делал.

– Теперь вы знаете.

– Надеюсь, все будет хорошо, и нам не придется этим заниматься, а все сделаешь ты, – уронила девушка.

– Я тоже на это надеюсь, – кивнул ей. – Теперь, в-третьих. Наш противник опытен, умен, силен и искусен. Врагу не составит труда придать любой твари чужую внешность. Поэтому при встрече с незнакомыми людьми всегда «созерцайте», чтобы проверить, с кем имеете дело.

Если это будет тварь, убивайте ее сразу, без раздумий. Страхуйте друг друга, прикрывайте и не выпускайте из виду.

– Ясно, – четко сказал Семен.

– Ясно, – повторила Соня.

– Еще одно. Это очень важно. Наш враг искусен настолько, что в состоянии заблокировать вашу способность «созерцать».

– Ничего себе! – Рыжий вскинул брови.

– Да, это так. Я имел несчастье испытать на себе подобную блокировку. Хорошего крайне мало. К сожалению, в этом плане мы не можем с ним соревноваться. Однако даже в этом случае есть выход. Мы используем самую обычную систему паролей. Если вы встретите меня, и я не смогу назвать правильный отзыв, значит, под моим обликом скрывается тварь. Уничтожьте ее.

– Отличная идея, – одобрил Семен.

– Согласна, – кивнула Соня.

– Какой будет пароль? – поинтересовался Рыжий.

– Орел, – сказал я.

– Почему «орел»?

– А какая разница?

– Ну, не знаю. Можно придумать что-нибудь посложнее, – засомневался Семен.

– Ни к чему это, – покачал я головой.

– Это из упражнений по дикции? – спросила Соня.

– Да. Попробуйте три раза подряд быстро сказать: «Пароль – орел».

– Пароль оле... Палорь... Пароль... Тьфу ты! Сразу и не получится. Язык сломаешь, пока выговоришь.

– Развивай речевой аппарат, – усмехнулась Соня.

– А сама-то!

– Пароль – орел, пароль – орел, пароль – орел, – не так быстро, как нужно, но без ошибок выговаривает девушка. – Съел?

– Да ну тебя.

– Если с этим разобрались, нам пора, – сказал я.

– У тебя вай-фай дома есть? – спросила Соня.

– Есть.

– Это хорошо.

Глава 5

Мы встали из-за стола, но в этот момент зазвонил мой телефон. Я вытащил его из чехла и застыл в ступоре, глядя дисплей.

– Кто там? – спросила Соня, видя, как у меня изменилось лицо.

– Учительница, – глухо ответил я.

Ребята переглянулись и уселись обратно.

– Алло, – ответил я.

– Здравствуй, Максим, – произнесла трубка таким знакомым голосом.

– Здравствуйте, Марина Яковлевна.

– Ты звонил мне, – сказала она, как ни в чем ни бывало. – Что-то случилось?

– Нет, уже ничего, – ответил ей с той же интонацией.

– Как твои дела? – также спокойно поинтересовалась она.

А мне вдруг стало не по себе от этого разговора, от этих дежурных, ничего не значащих фраз. Зачем она вообще мне позвонила?

– Я слышал, у вас горе случилось, – сделал пробный выпад. – Примите мои соболезнования.

Тишина в трубке, только едва слышится ее дыхание.

– Спасибо, – наконец произнесла Марина Яковлевна.

Я не спешил что-либо говорить, ожидая ее хода, но и Учительница хранила молчание. Я нарушил его первым.

– Почему вы звоните мне, Марина Яковлевна? – спросил ее.

– Я бы хотела с тобой встретиться, – ответила она сразу.

Эта неожиданная просьба сбила меня с толку.

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Почему?

– Потому что я не верю вам, – сказал я прямо, избегая недомолвок.

– Ты все такой же прямолинейный, – хмыкнула женщина.

– Чего нельзя сказать о вас.

– Разве это плохо?

– Разве это хорошо? – ответил я вопросом.

– Все относительно.

– Может быть. Но не у всего есть цена.

– Согласна с тобой, хотя не все, что бесценно, нельзя купить.

– И продать.

– Да, и продать.

Друзья напряженно вслушивались в мои реплики.

– Ты уже встретился с Софией и Семеном? – ровным голосом спросила Марина Яковлевна.

– Что вам нужно?

– Как они? Как у них дела? Как Семен, все также веселится? Как София, уже нашла себе кого-нибудь? – она засыпала меня вопросами, проигнорировав мой.

– Почему Миша?

– Почему Миша что? – переспросила Учительница, и глухая злость закипела во мне.

– Почему мой друг сейчас в коме? Для чего все это?

– Ты уверен, что сейчас задаешь правильные вопросы?

– Я уверен в этом! – резко бросил я, устав от недомолвок.

– Тогда тебе нужно задать их Клаусу, а не мне! – также резко ответила она.

– Я задаю их вам, потому что на них ответить должны вы, – я постарался успокоиться и унять эмоции.

– Ты ошибаешься, если считаешь меня виновной в том, что произошло с Мишей, – спокойно произнесла Учительница.

– Я так не думаю.

– Ты можешь думать, как хочешь. И я могу думать, как хочу. А вот от ответа ты не уйдешь, – ее голос изменился. Я раньше не слышал в нем столько угрозы.

– Я готов ответить, – удушливая ярость сковала дыхание, и слова дались с трудом. Я не узнал собственный голос. – А вы готовы?

– Не смей угрожать мне, мальчик, – голос прозвучал предостерегающе, но я готов поклясться, что услышал и страх. Пусть всего лишь его тень, пусть ничтожно мало, но он был.

Я сделал глубокий вдох, задержал дыхание и сосчитал про себя до десяти. С шумом выдохнул, но почувствовал, что этот нехитрый способ успокоиться, мне не помог.

– Ты делаешь поспешные выводы, Максим, – почти спокойно произнесла она.

– Поспешные не значит неверные, – парировал я.

– Бывает и так, – согласилась женщина и сразу добавила: – Но сейчас ты должен остановиться.

– Не думаю, что это возможно.

– Наказание неизбежно, – снова угроза в голосе. – Ты должен знать это. Остановись!

– Я требую от вас того же! – буквально выплюнул я в трубку.

Ответом стал смех, но холодным душем полились на меня ее следующие слова:

– Ты не спрячешься от меня, понимаешь ты это? Кем ты себя возомнил? Самым сильным и самым умным? Я ведь найду тебя! Так или иначе.

– Вы хорошо нас всему научили...

– Не смей втягивать в это Семена и Сою! – оборвала она меня на полуслове.

– У вас и на них были планы? Нет! Ничего у вас не выйдет!

– Глупец! Предупреждаю тебя в последний раз. Остановись!

– Вы допустили огромную ошибку, когда затеяли все это, – ледяным голосом сказал я.

– Друзья дали тебе забавное прозвище, – как-то чересчур спокойно произнесла она. – Но твой талант тебе не поможет, равно как и не поможет Клаусу его обдарованность. Ни он, ни ты не избежите наказания, чтобы вы не затевали.

– Надеюсь, вы не будете скрываться от меня, и мы сможем выяснить наши отношения должным образом, уважаемая Учительница.

– Мы встретимся, Ученик, – выделила она последнее слово.

У меня больше не осталось желаний с ней разговаривать, и я нажал отбой. Спрятал телефон и устало откинулся на спинку. Короткий разговор с Учительницей чрезвычайно меня вымотал. Вытащил из пачки сигарету и закурил. Мои руки дрожали, но я не замечал этого, снова и снова прокручивая в голове неожиданный разговор.

Бен Вебстер все также играл на саксофоне, а друзья напряжено следили за мной. Семен не выдержал первый.

– Ну, что там? – заглянул мне в лицо.

– Что она тебе сказала? – спросила и Соня.

Выкурил половину сигареты и затушил ее в пепельнице.

– Угрожала.

– Угрожала?

– Да. Требовала остановиться.

– Что еще?

– Сначала вообще хотела встретиться.

– Неожиданно.

- Очень, – кивнул.
- И что ты ответил?
- Я отказался, разумеется.
- Ты уверен, что поступил верно?
- Нет, но если учесть, что вместо встречи меня наверняка будет ждать ловушка, то все сомнения пропадают.
- Не убьет же она тебя? – произнес Рыжий, но как-то неуверенно.
- Я покачал головой и пожал плечами.
- Я не знаю, – бросил хмуро.
- Она хоть сказала, для чего затеяла все это? – спросила Соня.
- Нет, не ответила. Твердила только о предстоящем наказании и требовала остановиться.
- Про Клауса она что-нибудь говорила?
- Да. Сказала, что Клаус знает ответ на вопрос, почему Миша пребывает в коме. Точнее, с этим вопросом я должен обратиться к нему.
- К Клаусу? – удивилась девушка.
- К нему. Еще она сказала, что он также будет наказан, что бы мы с ним ни затевали.
- Так и сказала?
- Почти слово в слово.
- Как она угрожала тебе?
- Сказала, что я за все отвечу.
- За что?
- Она не озвучила, но тут итак ясно, что за смерть ее сына.
- Да уж... разбудили мы зверя, – вставил Рыжий.
- Еще сказала, чтобы я не втягивал вас в эти дела.
- Нас?
- Тебя и Семена.
- Странно.
- Чего тут странного? – сказал парень. – Нас трое, а она одна.
- Нет, – я покачал головой. – Она не боится вашего вмешательства. Не забывай, Семен, она наша Учительница, и опыта, сил и знаний ей не занимать. Она вас не испугалась.
- Тогда почему?
- Не знаю. Может быть, она не хочет лишних свидетелей.
- Странно, – повторила Соня. – Я не понимаю. Зачем она вообще тебе звонила?
- Хотела встретиться, – напомнил я.
- Это понятно, – кивнула девушка. – А потом грозила вам с Клаусом расправой, если вы не остановитесь, так?
- Если в двух слова, то да.
- И еще она требовала не втягивать меня и Семена?
- Именно.
- Соня задумалась, нахмурила брови и спросила, наконец:
- Максим, ты абсолютно, точно уверен, что покушения на Плетуших – ее рук дело?
- Ее, – и добавил тише: – Наверное.
- Наверное? – переспросила она. – Почему?
- Не знаю. Не уверен точно, но... – если честно, меня сбили с толку некоторые моменты в разговоре с Учительницей.
- Ребята внимательно следили за мной.
- Она грозила мне расправой, если я не остановлюсь, – задумчиво начал я.
- И что? – моргнул Рыжий.

– Почему она просто мне не угрожала? Почему она хотела со мной встретиться и поэтому позвонила? Почему с вопросами о Мише она отправила меня к Клаусу? Почему она просто не сказала, что отомстит за смерть сына?

– Насчет встречи ты сам сказал, что это может быть ловушкой, – ответила Соня. – Про Клауса она упомянула, чтобы заставить тебя усомниться, почувствовать неуверенность.

– И ей это удалось.

– Насчет сына она могла и не знать, кто именно его убил.

– Маловероятно, – произнес я, – но допустим.

– Может быть, у тебя есть другие мысли?

– Давайте предположим, – негромко сказал я, – всего лишь на секунду, что Марина Яковлевна не имеет отношения к последним событиям, точнее, имеет, но не то, что мы думаем.

Я сделал паузу, собираясь с мыслями, которые лихорадочно носились в голове, сбивая такую стройную и четкую гипотезу развития событий.

– Почему мы так уверены, что именно она во всем виновата? – начал я.

– Я видел ее, когда Клаус пригласил меня принять участие в операции по обезвреживанию Алены, – ответил Семен.

– Верно. Но мы не знаем, была ли это она или другой Плетущий под ее обликом.

– Такое вполне может быть, – кивнула Соня. – Вот только к чему этот маскарад?

– К чему? К чему... Кто еще принимал участие в той операции? Клаус и сын Учительницы. Нет, то был не маскарад. Знал ли Клаус, что Семен расскажет мне, своему лучшему другу, об этом событии?

– Наверняка, – сразу сказала девушка.

– Похоже на подставу! – воскликнул Семен.

– Но зачем? – Соня словно мои мысли прочитала.

– Клаус хотел, чтобы я был уверен, что виновницей последних событий является Марина Яковлевна.

– Не слишком ли сложная комбинация? – засомневалась Соня.

– Нет, – произнес я. – Так или иначе Семен все равно рассказал бы о той ночи. Скажи мне, – обратился я к нему. – Что хотел Клаус, когда звонил тебе?

– Сейчас?

– Да.

– Ничего он не хотел, – нахмурился он. – Снова просил дать телефон Сони.

– И все?

– И все.

– А ты что?

– Ничего. Сказал, чтобы он сам искал, а я ему не сваха.

Девушка недовольно посмотрела на Рыжего, но вслух ничего не сказала.

– А он не просил тебя о чем-нибудь?

– Просил, вообще-то.

– Ну, говори уже, – подстегнула его Соня. – Из тебя, что, каждое слово клещами вытягивать нужно?

– А ты меня не торопи, – огрызнулся Семен. – Я, может быть, не хочу, чтобы у вас шуры-муры были.

– Что?! – округлила она глаза.

Я не выдержал и рассмеялся.

– Что слышала!

– Болван!

– Дура!

– Идиот!

- От идиотки и слышу!
- Тихо вам! Пожалуйста! – я вытер выступившие от смеха слезы.
- Алкаш! – прошипела Соня.
- Корова! – таким же шепотом ответил Семен.
- Что?! – вскрикнула девушка. – Да ты знаешь, сколько я вешу?!
- Килограммов сто!

Девушка не выдержала, схватила со стула сумочку, размахнулась ей и с первого удара попала Рыжему точно по макушке. Он закрылся, но удары продолжали сыпаться.

– Мой вес – сорок восемь килограммов!

– Мешок с картошкой... почти, – откровенно заржал Семен и поднял руки, потому что Соня вскочила со стула, бросила на место сумочку и оказалась за спиной парня.

Я уже не мог смеяться, только судорожно хватал ртом воздух, пытаюсь вдохнуть. Уронил голову на стол, только чтобы не видеть этих двух.

– Кретин! Мужлан! Эгоист! – Соня схватила и потянула Семена за уши. Парень попытался разорвать хватку, но у него ничего не получилось.

– Обзываешь на меня с переводом на себя! – выдал он совсем уж детскую говорилку.

Мне пришлось встать со стула и разнять, а точнее, заставить девушку отпустить уши Семена.

– Да успокойтесь вы! – сквозь смех выдавил я. – Как дети малые.

– Это он великовозрастный дурак! – Соня все же вернулась на свое место за столом, а Рыжий, к его чести, не ответил на ее выпад.

– Соня – засоня, – я рано обрадовался...

– Ах ты... – она снова вскочила на ноги, схватила сумочку и со всего размаха ударила ею парня прямо в лоб.

Рыжий свел глаза к переносице, потом картинно их закатил и с громким стуком уронил голову на стол.

– Так тебе! – победно вскрикнула девушка.

– Семен, хорош придуриваться, – я уселся обратно за стол. – Ты бы его еще стулом огрела.

– Он первый начал!

– Дети!

– Рыжий, вставай давай! – позвала его девушка.

– Он не шевелится, – сказал я и демонстративно отодвинулся от нее. – У тебя в сумочке кирпич, что ли?

– И ты туда же?

– Куда же?

– Вот обижусь и уйду от вас, – надула она губы.

– Семен, – позвал я. – Хватит уже. Соня раскаивается и больше не будет тебя бить.

– Ага, сейчас! Не верь этому жулику! – ответила она мне.

– Это кто это жулик?! – вскинулся Рыжий, а мы не выдержали и в голос рассмеялись от вида его ушей.

– Чебурашка! – выдавила девушка.

– А ты крокодил Гена! – ответил он.

Они дурачились и беззлобно переругивались еще несколько минут, получая от этой пикировки взаимное удовольствие. Наконец, ребята выдохлись и успокоились.

– На чем мы остановились? – спросила Соня, пряча зеркальце, в которое придирчиво себя осмотрела.

– О чем тебя просил Клаус? – напомнил я Семену.

Он задумался на несколько секунд и ответил:

– Клаус просил меня никому ничего не рассказывать.

– Об Алене и о том, что он подменял тебя в сне Миши? – уточнил я.

– Да.

– Не понимаю, – протянула девушка. – Зачем лишний раз напоминать о том, о чем не нужно говорить. Значит ли это, что Клаус специально напомнил о том, что ты итак расскажешь своему лучшему другу, несмотря ни на какие его просьбы молчать?

– Очень вероятно, – вместо Семена сказал я.

– Но откуда он мог знать, что мы встретимся, – недоуменно произнес он, а потом нахмурился. – Я сам и сказал ему об этом.

– О чем?

– О том, что мы с вами встретились.

– Допустим, – сказала Соня, – что он действительно хочет, чтобы мы, а особенно ты, Максим, узнали об участии или скорее непосредственном руководстве Марины Яковлевны операции по... устранению Алены.

– Допустим, – кивнул я.

– Клаус уверен, что так или иначе мы узнаем, что погибший в Мертвом городе – это сын Учительницы, – продолжила рассуждать Соня. – Потом он позвонил Семену и попросил его молчать, наверняка рассчитывая на обратное.

Девушка умолкла, глубоко задумавшись, А Рыжий продолжил ее мысль.

– В Мертвом городе он не сказал тебе, – кивнул мне парень, – кто был тот погибший Плутущий. И вообще, если он так хочет, чтобы мы думали, что убийца – это Марина Яковлевна, значит... – Рыжий запнулся на секунду и закончил неуверенно, – значит убийца – это он?

Ему никто не ответил, и Семен переводил недоуменный взгляд с Сони на меня и обратно. Девушка молчала, глядя в окно с отсутствующим видом.

– Ты говорил, он спас тебя? – тихо спросила она, повернувшись ко мне.

– Да, болотная тварь едва не утащила меня в трясину, и если бы не Клаус, я бы вряд ли здесь сидел.

– Если он убийца, зачем ему спасать тебя?

– Я ему нужен. Для чего-то.

– Для чего? – спросила Соня.

– Если рассуждать логически и исходить из того, что Клаус, мягко говоря, никогда меня не любил, то единственное, что мне приходит на ум – это его желание подставить меня под удар.

– Чей удар? – задал вопрос Семен.

– Того, кто накажет его за преступления, скорее всего, Марины Яковлевны. Она наверняка уже знает о том, что мы сражались с ним бок о бок против тварей, которые насылал на нас ее сын. Почему он хотел убить нас? Нас...? – я умолк, пораженно догадкой.

– Макс, ты что-то придумал?

Я не ответил, погружившись в воспоминания – разворошил образы, яркие, как цветные фотографии и блеклые, как размытые картинки ненастроенного телевизора. Страж. Его мысли, охватившее меня в первую минуту его перерождения. О ком он думал? Кого он должен был убить? По чьему следу он так настойчиво шел? Нет, я не мог вспомнить. На меня тогда навалилось слишком многое. Есть только одна возможность проверить мою догадку – это узнать у него самого. Если конечно он захочет вспоминать. Я помню, какую боль он испытал, когда мысленно вернулся к тем событиям.

– Максим, о чем ты думаешь? – вывел меня из размышлений голос Сони.

– Думаю о том, что можно проверить, на кого в действительности охотился сын Учительницы: на меня или на Клауса.

– Каким образом?

– Я спрошу у Стража.

– У змея?

– Он скажет?

– Может быть.

– Эта информация многое прояснит, – кивнула девушка. – Если охота была на тебя, то ясно, что по какой-то причине тебя просто решили убить. Помощь Клауса в этом случае кажется существенной, хотя тут можно поспорить. Если же охота была на него, то... – она умолкла, нахмурилась, уже в который раз, и снова отвернулась к окну.

– То он поступил, как последний мерзавец, затянув тебя в сон и лишив большей части возможностей, – закончил за нее Семен. – Клаус мне никогда не нравился. Я уверен, что он убийца. Пока его не было, все было тихо и спокойно. Никто ни за кем не охотился, никто никого не убивал, все были живы и здоровы. Появился Клаус, и сразу начались проблемы. Слушай, Макс, почему бы тебе не позвонить Марине Яковлевне?

– Она ни в чем не признается, – вместо меня ответила Соня.

– Почему это?

– Подумай сам. Если она убийца, то, конечно же, опровергнет все обвинения. Если она невиновна, то также будет все отрицать. А понять, лжет ли она, по телефону невозможно, – объяснила девушка.

– Тогда может быть, нужно встретиться? – предложил парень.

– Нам?

– Ну да, не будет же она всех троих убивать, – Семен привел разумный довод. – Да мы и не дадимся так просто.

Соня не ответила и перевела взгляд на меня.

– Можно, – кивнул я. – Только место встречи выберем сами.

Взял в ладонь телефон и вызвал последнего звонившего, Марину Яковлевну. Через несколько секунд женский голос сообщил, что абонент не может принять звонок и попросил перезвонить позже.

– Она выключила телефон, – я отложил сотовый.

– Мда, – протянул Рыжий. – Учительница может подумать, что ты с Клаусом заодно, и вы вдвоем убиваете Плетущих. Хотя, почему «может»?

– А если убийца она? – бросила Соня.

– Ну, тогда она будет мстить за сына, – спокойно ответил он девушке. – Но я считаю, что Учительница невиновна. А Клаус начал наше общение с обмана, и я ему не верю.

– Значит так, – вмешался я. – Думаю, хватит переливать из пустого в порожнее. Без доказательств и дополнительной информации мы не можем ни в чем быть уверенными.

– У меня есть своя точка зрения, – не согласился Рыжий.

– А у меня – своя, – повторила за ним Соня.

– Будем придерживаться первоначального плана, – отрезал я. – Вы находите Клауса, и уже вместе с ним выходите со мной на связь. Я займусь поисками Миши.

– Вместе у нас больше шансов, – произнесла Соня.

– Не будем об этом, – я махнул рукой, пресекая новые вопросы.

– Макс, ты бы подумал еще раз, – поддержал девушку Семен.

– А до вечера мы ищем информацию по Хабаровску, – я проигнорировал их.

– Как ты думаешь, – обратилась ко мне Соня после короткого молчания. – Для чего вообще может понадобиться жизненная энергия, да еще в таких количествах?

Я уже думал над этим, поэтому ответил сразу.

– Первое, что приходит на ум, – это использовать ее в качестве лекарства.

– Лекарства? – искренне удивился Семен.

– Да. Если, например, убийца болен какой-то тяжелой или трудноизлечимой болезнью, его здоровье можно поправить с помощью отобранной силы.

– И насколько тяжелые болезни можно лечить таким образом? – поинтересовалась Соня.

– Без понятия, – ответил я честно. – Мне никогда прежде не доводилось слышать о подобном лечении. Но вы не хуже меня знаете, что Плетущие если и болеют, то очень редко.

– Нет, я не думаю, что это наш случай, – задумчиво произнес Рыжий. – Зачем нужна чужая жизненная энергия, если для того, чтобы оставаться здоровым, есть своя?

– Логично, – кивнула девушка и обратилась ко мне. – А что второе?

– Второе?

– Да, ты сказал: «Первое, что приходит на ум».

– Ты об этом, – кивнул я. – Вообще-то это, наверное, единственное, о чем я думал, для чего можно использовать такое количество чужой силы. Такое, что убийца не хватает собственной, и он вытягивает ее из жертвы, усваивая долгих семь суток.

– Наверное?

– Наверное, – и продолжил, но уже не так уверенно. – Может быть... не знаю... Это же ведь именно жизненная энергия, не так ли?

Ребята не перебивали и слушали очень внимательно.

– Для чего ее еще можно использовать? Для чего...? Или для кого? – я запнулся, боясь поверить неожиданной мысли. Это было настолько невероятно, что вполне могло оказаться правдой, хотя в последнее время этого невероятного стало слишком много. Однако... Но тогда выходит, что убийца – это...

– Макс, ты в порядке?

– Что?

– Максим у тебя сейчас такое лицо, будто ты призрака увидел, – Соня взяла меня за руку. – Что случилось?

– Нет, ничего, – ответил я скомкано. – Призрака, говоришь...

– Что ты там надумал? – это уже Рыжий.

– Я... нет, нужно сначала все проверить, потому что... – снова запнулся я.

– Может, ты с нами поделишься? – Соня заглянула мне в глаза и накрыла мою ладонь своей.

– Обязательно, – я высвободил свою руку из идеально ухоженных ладошек, – но только чуть позже, когда буду уверен даже не на сто – на триста процентов.

– Мне не очень нравится, как ты это говоришь, – промолвила она.

– Знаете, – вдруг сказал Семен, – а я догадываюсь, для чего может понадобиться столько жизненной энергии.

– Для чего же? – девушка изогнула одну бровь.

– Вот ты, Макс, рассказывал о полчищах тварей, о том, как быстро их создавал совсем не сильный, по твоим словам, сын Учительницы.

– И что? – моргнул я.

– А то, что с помощью дополнительной энергии можно гораздо быстрее, чем обычно, создавать большое количество монстров, – заявил с довольным видом Рыжий.

– И ты думаешь, что ради этого враг подвергает себя такому риску – убивает Плетущих? – удивился я.

– Конечно, а что не так? – насторожился он.

– Семен, – обратился я к нему, – ты не хуже меня знаешь, что создание тварей – это дело техники, а не силы. Чем ты опытнее, тем легче тебе создавать тварей. При чем тут жизненная энергия?

– Ты сейчас про себя говоришь? – с непонятной иронией спросил Рыжий.

– Про себя, про тебя, про всех Плетущих.

– Максим, ты ошибаешься, если думаешь, что все Плетущие обладают мастерством, сравнимым с твоим, – Соня неожиданно поддержала Семена.

– Ерунда, – отмахнулся я.

– Нет, не ерунда, – упрямо повторила она. – То, что для тебя легко и просто, для многих – тяжело и сложно. Это ты постоянно что-то придумываешь, ищешь, изучаешь. Очень немногие подвергают себя регулярным сложным тренировкам, как это делаешь ты. Многие, очень многие, довольствуются тем, что получили в Школе. Поэтому в принципе я поддерживаю идею Семена.

– Но при чем здесь жизненная энергия? Неужели вы думаете, что она прибавит другому Плетущему что-то иное, кроме силы и здоровья?

– Я вообще не представляю себе, каково это – получать чужую силу, – пожалала она плечами. – Кто знает, может быть, помимо силы передается и что-то другое.

– Например?

– Я не знаю, но однозначно говорить о том, что для выращивания большого количества тварей не нужна эта сила, нельзя.

– Правильно, – вставил Рыжий. – Я уверен, что именно для этого ее и используют.

– Но зачем? – я решительно отказывался понять – Зачем нужно столько монстров?

– Чтобы была возможность нанести быстрый и смертельный удар, – негромко произнесла Соня.

– Марине Яковлевне для этого чужая сила ни к чему, – встал на ее защиту Семен. – Она и без нее может так шарахнуть, что мало не покажется.

Девушка только недовольно нахмурилась на его слова, но мне сказала совсем другое.

– Скажи, Максим, смог бы ты противостоять миллионной армии тварей?

– Миллионной? – искренне удивился я, но уточнил: – В своем или чужом сне?

– В своем.

Я крепко задумался, пытаюсь представить себе такое количество «живой силы».

– Не знаю, – ответил неуверенно. – Все зависит от конкретного места.

– Если бы ты мог выбирать? – допытывается она.

– Ты же знаешь поговорку про «если».

– И все же.

– Если бы сражение происходило на открытой местности, я смог бы одолеть тварей. Если в городских условиях, то нет. Я бы просто покинул сон.

– А если бы ты не мог покинуть сон?

– Как это не мог? – удивился Рыжий, а потом посмотрел на меня. – А, ну да...

Соня попала в яблочко. То, что до недавнего времени казалось невозможным, именно со мной и произошло. Мое сознание было разделено на пять самостоятельных существей, и ни одна из них не смогла уйти из сна, в котором я оказался благодаря кому...?

– Слишком сложно для обычного покушения и слишком много неучтенных факторов, которые в любой момент могут изменить ситуацию, – я постарался говорить уверенно.

– Но ты не будешь отрицать, что сын Учительницы, вероятно, использовал чужую силу, чтобы создать большое количество тварей?

– Мне трудно судить, но такой вариант возможен, хотя нельзя забывать, что он не создавал монстров, а всего лишь выращивал их из заготовок.

– Тем не менее, для этого необходима жизненная энергия, и не в малых количествах. Значит, мы имеем еще один способ использования отобранной у другого Плетущего силы, кроме лечения.

– Что же это получается? – Семен вдруг вскочил со стула.

– О чем ты? – мы недоуменно уставились на него.

– Подумайте сами. Если сын Учительницы использовал чужую энергию, значит, он и вытягивал ее. Он убийца!

Мы с Соней переглянулись, невольно поражаясь столь очевидной версии.

– Я как-то... – пробормотала девушка.

– Вы просто заикнулись на Марине Яковлевне и Клаусе, – сказал Рыжий, и никто ему не возразил. – Молодец я?

Я посмотрел на часы и достал телефон.

– Надеюсь, он еще не спит, – произнес я, нажимая кнопку вызова.

Почти сразу трубка ответила знакомым голосом.

– Алло.

– Привет, Паша. Это Максим.

– Привет, – его голос прозвучал устало.

– Извини, что поздно. Надеюсь, не разбудил?

– Нет, все нормально. У нас только одиннадцать вечера.

– Как Миша?

– Без изменений.

– Он в больнице?

– Да. Я только что пришел к нему – родителей сменить.

– Врачи что-нибудь говорят? – дежурно поинтересовался я.

– Ничего. Состояние стабильное, – и горько хмыкнул в трубку.

– Держись, – я попытался подбодрить его.

– Стараюсь.

– Паша, в какой больнице Миша? Скажи мне адрес.

– Ты что, приехать собираешься? – удивился он.

– Вероятно. Если получится, – и Паша назвал мне адрес больницы и номер палаты, в которой находился Миша. Я поблагодарил его, и мы попрощались.

– Без изменений? – спросила Соня.

– Без, – кивнул я и обратился к Семену. – Видишь, не все так просто, как кажется.

– В смысле? – не понял он.

– Миша все еще в коме.

– И что?

– Это значит, что убийца до сих пор жив и продолжает выкачивать из него энергию. Если бы им был сын Учительницы, то с его смертью, канал разрушился бы, и Миша очнулся.

– А так все складно получалось, – вздохнул Семен.

– К тому же, – продолжил я, – наверное, ты забыл, что после его смерти покушения на меня не прекратились. И канал, по которому, из Алены выкачивалась сила, был стабилен, а насчет убийцы... То это тот, кто был под обликом нашей Сони. Помнишь, в больнице?

– Ах да, – Рыжий сокрушенно покачал головой. – Как же я забыл?

– Значит, мы снова вернулись к тому, на чем остановились, – произнесла Соня. – Это либо Марина Яковлевна, либо Клаус.

– Верно, – кивнул я.

Какое-то время мы еще сидели, каждый погруженный в свои мысли.

– Ну что, друзья, – я первым нарушил молчание. – Нам пора.

– Пора, – повторила Соня, поднимаясь со стула, а за ней встал и Семен.

Глава 6

Оранжевый закат красиво золотил кроны колышущихся на ветру деревьев. Высокие облака, подсвечиваемые скрывающимся за горными пиками светилом, пылал ярким огнем. Река у подножия холма была покрыта рябью ласкающего ее ветра. Он колыхал высокую траву, которая сейчас больше всего напоминала шерсть исполинского зверя. Лес за рекой, на другом ее берегу, стоял сплошной стеной, и высокие кроны его деревьев тянулись высоко вверх.

Я стоял на этом холме, и за моей спиной были горы. Они широким кольцом охватывали долину. Река, сбегавшая с гор, стремительно несла свои бурные воды между крутых склонов, но потом разливалась вширь и текла уже спокойно и даже солидно. Я еще раз с интересом посмотрел на горы, чьи вершины были покрыты белоснежными шапками. Так и есть – с тех пор, когда я был здесь в последний раз, они раздвинулись, расширив пределы этого мира.

На противоположном берегу озера, в которое впадала река, виднелся большой дом, уютно приютившийся на склоне холма в зарослях цветущих деревьев. От дома к озеру вела смутно различимая на таком расстоянии дорожка, а у самого берега, у пристани, покачивался на волнах ялик со спущенным парусом.

Ясный и чистый приветственный крик раздался над моей головой. Прикрыв ладонью глаза, я посмотрел вверх и увидел парящего в небе орла.

– И тебе привет, – сказал я вслух.

Страж-орел сложил крылья и камнем упал вниз. Над самой землей он их расправил и, громко взбивая ими воздух, сбросил скорость. Поприветствовав, он сделал надо мной круг. По настроению орла, которое я прекрасно уловил, стало ясно, что все здесь было тихо и спокойно.

– Вот и отлично, – опять сказал я в голос. – Предупреди хозяйку, что у нее гость.

Птица снова прокричала, набрала высоту и направилась в сторону противоположного берега. Направившись к реке, я зашагал в высокой, достававшей до пояса траве. Здесь, у крошечной пристани, меня ждал такой же, как и на противоположном берегу, ялик со спущенным парусом. Я забрался в него, отдал концы и поднял треугольный парус красного цвета. Озеро, как и вся долина в целом, изменилось – стало больше, поэтому усилившийся по моей воле ветер целую четверть часа надувал парус, подгоняя лодку. И только расходившиеся во все стороны волны отметили мой путь.

Я не стал появляться у самого дома, потому что хотел взглянуть на саму долину. Или, быть может, я просто хотел немного времени побыть наедине? Как бы то ни было, но моя подопечная уже успела тут побывать, на этом краю долины. Она оставила здесь пристань и ялик. Интересно, зачем? Может быть, она, заснув, оказалась не у дома, а здесь? Какая разница? Захотела и поставила. Для моей подопечной с ее талантом это было несложно. И вообще, увеличение долины само по себе красноречиво говорило о ее огромном потенциале. А пристань с лодкой – это так, пустяки.

На берегу меня уже ждала хозяйка этого места. Сегодня на ней было белое в крупный красный горошек платье до колен, а ее темные волосы были собраны в хвост и перевязаны алой лентой. Карие глаза смотрели на меня легко и доброжелательно.

– Бросай веревку! – прокричала она звонким голосом.

Вообще-то я сам собирался поставить лодку на прикол, но ничего не имел против помощи. Женщина ловко поймала брошенный канат и привязала ялик к пристани.

– Здравствуйте! – выбрался я на деревянный настил.

– Ну, здравствуй, Максим! – тепло ответила она, шагнула ко мне и коротко обняла.

– Как вы тут? Как устроились?

– Спасибо, – сказала она. – Все хорошо. Пойдем в сад. Чай попьем, или ты кофе будешь?

– Апельсиновый сок, если вас не затруднит, – и внимательно проследил за ее реакцией.

- Без проблем, – улыбнулась женщина.
- Тогда ведите, – я возвратил ей улыбку.

Перемены я заметил, когда мы подошли к садовой беседке. Я прекрасно помнил, что она была белой, круглой и с высокой куполообразной крышей. Сейчас же беседка была овальной и совсем не белого цвета – ее деревянные стойки, скамьи, крыша и невысокие бортики были просто покрыты лаком. Крыша стала ниже, а одна из стенок – закрытой. В горшках свисали цветы, разносившие приятные ароматы. Исчезли стулья, вместо них стояли плетенные кресла с подушками для сидений.

– Как тебе? – спросила меня женщина, окинув взглядом беседку. – Я ее немного изменила.

- Великолепно, – ответил искренне. – Мне так даже больше нравится.
- Я закрыла одну сторону, – показала она рукой, – а то ветер уж сильно продувает.
- Вижу, – кивнул. – Стало уютней.
- И я так думаю. Да ты садись. Устал?
- Нет, что вы. Рассказывайте, как у вас дела.

Мы опустились в кресла, а на столе передо мной появился стакан свежевыжатого апельсинового сока. Его аромат заставил сглотнуть слюну, и я с удовольствием снял пробу.

– Очень вкусно. Спасибо, – поблагодарил я.

– На здоровье, – перед ней появился такой же стакан, но жидкость в нем почти была прозрачна.

– Березовый сок, – пояснила женщина. – Точно такой, какой я пила, когда была маленькой. Удивительно...

Солнце окончательно скрылось за вершинами гор, невероятно четко обозначив их очертания. С озера потянуло прохладой, и женщина достала из воздуха теплый плед, накинула его на плечи. В воздухе витали ароматы цветов и непередаваемая свежесть свежескошенной травы.

– Обожаю закаты, – промолвила она, запрокинула голову, и в следующую секунду крыша беседки исчезла. Нет, это мне так показалось, на самом деле она стала прозрачной.

– Стекло? – спросил я.

– Не совсем, – чуть заметно покачала она головой. – Красиво, не правда ли?

Небо у горизонта – светло-оранжевое, а над нами – глубокого синего цвета. Сплетаясь в незнакомые созвездия, в вышине замерцали мириады звезд.

– Очень, – негромко ответил я, восхищенный умелой и продуманной красотой этого удивительного места, и немалая часть этой красоты было делом рук моей подопечной.

Мне совершенно не хотелось затевать сейчас разговор и задавать вопросы, ради которых сюда пришел. Хотелось просто сидеть, смотреть в бездонное небо, дышать полной грудью и ни о чем не думать. Хотелось отдохнуть.

– Я знаю, почему ты здесь, – я опустил глаза, чтобы встретить спокойный взгляд моей подопечной. – И мой ответ: «Нет, я не знаю».

Чувство спокойствия и умиротворенности вмиг слетели с меня, как листья с деревьев поздней осенью под порывами холодного ветра. Внешне я остался совершенно спокойным, но, прикрыв глаза на несколько секунд, успел «созерцать». Никого, кроме нас, здесь не было. А передо мной сидела та самая женщина, которой я помог избавиться от твари. Вот только она выглядела уже не как еле тлеющая искра, заключенная в призрачный человеческий силуэт. Сейчас она виделась, как самая настоящая Плетущая – столько в ней было сосредоточено энергии и силы.

– На какой же вопрос, который я еще не успел задать, вы мне даете такой ответ? – спросил я, немного успокоившись.

– Извини, что заставила тебя так волноваться, – попросила она прощения. – Я просто ляпнула, не подумав. Не обижайся, пожалуйста. На бабушку.

Я невольно хмыкнул, потому что сейчас она совсем не выглядела на свои годы.

– У меня уже внук, – сказала она, увидев мою реакцию. – Значит, я бабушка.

Улыбнулась обезоруживающе.

– Вы меня крайне заинтриговали своими словами, – признался я. – Вот только на какой вопрос вы даете свой ответ?

– Ты его еще не задал, это так, – согласилась она. – Но я вижу его.

– Видите? – переспросил я удивленно.

– Да. Ты хочешь узнать, не болеет ли Мариша, не страдает ли она от какой-либо тяжелой болезни, верно?

– Почти слово в слово, – насторожено произнес я, лихорадочно пытаюсь сообразить, откуда у женщины эта информация.

– Вот на этот вопрос я тебе отвечаю: «Не знаю», – спокойно сказала она. – Хотя, если честно, за все те годы, что знаю Маришу, я ни разу не видела, чтобы она болела.

– Ясно. Теперь объясните мне, пожалуйста, откуда вы знали, о чем я собираюсь вас спросить?

– Я не знаю, – она легко пожала плечами. – Меня как будто посетило видение о том, как ты спросил меня о ее здоровье.

– Как кино или как картинки? – быстро уточнил я.

– Не помню, – женщина развела руками. – Это важно?

– Нет, вообще-то, – я с трудом верил в то, что сейчас происходило.

– Я же и лодку тебе оставила на берегу озера, – она добила меня окончательно, – потому что видела, что ты появишься и придешь именно оттуда.

Я промолчал ошарашено. На столе появились свечи, не меньше десятка. Один за другим загорелись их толстые фитили, и неровный свет развеял густеющие сумерки. А я был слишком взволнован, чтобы вспомнить хотя бы примерную дату, когда мир последний раз знал Плетущего, способного видеть будущее.

– Для тебя это очень важно – знать о здоровье Марины? – женщина по-своему поняла мое смятение, и только сейчас я заметил блеснувшее в свете свечей кольцо на ее пальце. Моя подопечная поймала мой взгляд и сказала. – Я нашла хранилище.

– Как вы его открыли? – задал я нелепый, в общем-то, вопрос.

– Просто захотела этого.

– И как вы себя чувствуете?

– Не хуже, чем обычно. Не переживай, – она меня успокаивает, что ли? – Я много думала о последних событиях, о тебе... о Грише. Я поняла, что это не он снился мне. И тем сильнее я ценю то, что ты для меня сделал... Если ты зайдешь в дом, то увидишь наши семейные фотографии.

– Вы уверены в том, что делаете? – осторожно спросил я.

– Это память, – ответила она просто. – Моя память, без которой я не могу чувствовать себя... полноценной. И кольцо – это тоже память, символ нашей любви и долгих лет совместной жизни. Я не знаю и не хочу знать, как долго проживу на этом свете... но хочу всегда помнить своего Гришу. И я абсолютно точно знаю, что мы с ним еще встретимся, – и добавила едва слышно: – Я видела это.

Небо уже не полыхало пожаром над вершинами гор. Оно потемнело и казалось невероятно далеким. Разноцветные искры звезд мерцали в потоках поднимавшегося с земли теплого воздуха. Громко хлопая крыльями, опустился Страж-орел и уселся на спинку одно из кресел. Оно скрипнуло под его весом, но осталось стоять. Не обращая на нас никакого внимания, птица принялась чистить перья, раскрывая свои большие мощные крылья.

– Максим, – обратилась ко мне женщина, – с Мариной что-нибудь случилось? Почему ты интересуешься ее здоровьем? Надеюсь, с ней все в порядке?

- Я тоже надеюсь на это, – искренне ответил я, хотя имел в виду совсем другое.
- У нас осталось еще немного времени, – загадочно произнесла она. – Расскажи мне, пожалуйста, о себе.
- Что именно вас интересует? – спросил я ее, не обратив пока внимания на странные слова о времени.
- Расскажи о том, как ты... о том, что ты делаешь во сне... – она старательно подбирала слова. – Как ты помогаешь людям.
- Я понял вас, – кивнул ей. – Ну что же... мне кажется, вы уже готовы к новым знаниям. Итак, начну с того, что я Плетущий.
- Плетущий? Что это значит?
- Плетущий – это человек, способный управлять своим и чужими сновидениями, плести их ткань.
- Кажется, понимаю.
- Да, все довольно просто.
- Ты сам научился... плести, правильно?
- Правильно, плести. Нет, не сам. На самом деле Плетущих больше, чем вы можете подумать, но если говорить обо мне... Я и еще пятеро ребят и девушек учились под руководством Марины Яковлевны.
- Марины? – изумилась она.
- Да. Она и другие преподаватели учили нас десять лет.
- Удивительно, – прошептала моя подопечная, изумленно глядя на меня.
- Впервые мы встретились, когда были еще детьми семи-восьми лет... – я вкратце рассказал, как мы начинали учиться, краткий список предметов, основные принципы нашей деятельности и самые смешные моменты, чтобы развеселить женщину. Рассказал, какие науки мы изучали, как нам было тяжело, но интересно. Рассказал, как мы учились защищаться и пользоваться оружием. Стараясь не увлекаться, лишь вкратце описал возможности того или иного оружия. К моему удивлению, моя собеседница ни капли не притворялась – ей действительно было интересно все, о чем я говорил. Я рассказал о том, как, не стесняясь в средствах, Марина Яковлевна учила нас главному, без чего настоящим Плетущим стать невозможно.
- По-моему, моя подопечная даже дыхание затаила, ожидая продолжения.
- Чему же? – спросила она, не дождавшись, пока я поставлю обратно на стол стакан с соком, который допил в несколько глотков.
- Плетущий, – сказал я размеренно, – не должен поддаваться страху.
- Сделал паузу, чтобы она осмыслила сказанное.
- То есть ты ничего не боишься? – она удивленно подняла брови.
- Боюсь, – ответил я спокойно. – А иногда мне бывает страшно так, что жить не хочется. У людей разные сны.
- Кажется, я поняла, что ты имеешь в виду. Мариша... Марина Яковлевна учила вас бороться со страхами, преодолевать их, да?
- Если в двух словах, то да. Вы все поняли правильно, – кивнул я.
- И вы помогаете людям, – негромко произнесла она.
- Это было целью нашего обучения.
- А почему именно вы?
- Стать Плетущим может каждый человек. Для этого нужно обладать определенным набором, скажем так, черт характера, личностных характеристик – можете это так называть. Вообще, многие люди способны в той или иной мере плести ткань сновидений. Но ничтожное количество из них утром может об этом вспомнить... – я сделал паузу, невольно вспомнив всех тех, которые могли бы стать Плетущими. Могли бы, если не так сильно боялись. Они просто не хотели не бояться, как ни странно это звучит. Их страх стал настолько неотъемлемой

частью жизни, что изменить в ней что-либо было уже попросту невозможно. – Так вот, к семи или восьми годам жизни человек уже обладает определенными чертами характера, он является собой уже достаточно самостоятельную личность. И если к этому возрасту эти самые характеристики соответствуют требованиям, то ребенок становится кандидатом, учеником. В основном, соответствие ребенка требованиям зависит от воспитания, в остальных случаях – от круга общения, атмосферы в семье и других моментов. А вообще, отсеб происходит постоянно, даже во время учебы. В нашем классе, например, в день знакомства с Мариной Яковлевной было несколько десятков детей, а Плетущими стали только шестеро.

– Это логично, – задумчиво произнесла женщина. – Так и должно быть. Значит, ты полностью контролируешь сновидения и можешь делать в них все, что захочешь. Невероятно... Скажи, почему главное в твоей... работе – это борьба со страхами?

– Со страхом, – поправил я ее. – Он один и живет в каждом из нас. Он может принимать самые разные формы. Его невозможно уничтожить, да и нельзя этого делать. Страх – самая сильная эмоция, которую испытывает человек, и он приходит чаще, чем любое другое чувство. Каждый человек чего-то боится. Во сне опытный Плетущий может даже увидеть страх другого человека, он темной, полупрозрачной вуалью окутывает его фигуру. В мире снов происходят самые разные вещи, которые далеко не каждый может вспомнить, проснувшись, но от этого они не становятся менее реальными. И Страх служит приманкой для самых разных созданий, так называемых тварей.

– Тварей? – недоуменно переспросила женщина.

– Да, так мы называем определенные энергетические сущности.

– Что же делают эти твари? – моя собеседница сильнее закуталась в теплый плед. Орел, сидящий на спинке кресла, повернул ко мне голову и поглядел немигающим взглядом.

– Собственно, твари являются порождениями человеческого страха. Эти создания появляются, когда люди испытывают очень сильные, но негативные, эмоции.

– Сами появляются?

– Считайте, что сами.

– А потом?

– А потом твари стараются всячески выжить. Для этого им нужна энергия, которую они получают в виде этих самых эмоций. Грубо говоря, они паразитируют на людях.

– А что же они сами, люди в смысле? Как вообще это происходит?

– Вы сами знаете ответы на эти вопросы, – сказал я.

– Я? – искренне удивилась она.

– Да, – кивнул. – Тварь, порождение вашего собственного сознания, приходило к вам каждую ночь.

Моя подопечная открыла рот, чтобы что-то сказать, но не издала ни звука, пораженная догадкой.

– Гриша? – наконец выдавила она. – Но как...? Неужели...?

– Ваши эмоции были настолько сильными, что тварь, ими питающаяся, с каждой вашей встречей становилась все сильнее, умнее, хитрее и реальнее. Она уже могла поддерживать беседу, общаться, вести себя, как вполне обычный человек. Поверьте мне на слово, тварям такого типа редко удается принять человеческий облик, потому что для этого им не хватает энергии, которую они получают, питаясь человеческими эмоциями. Но в вашем случае они были настолько сильными... Я уже говорил об этом.

– Сколько бы еще эта тварь приходила ко мне?

– Не думаю, что слишком долго.

– А, – протянула она. – А то я уже испугалась.

– Вы меня неправильно поняли, – сказал я мягко. – Тварь приходила бы к вам еще недолго, не потому что она насытилась бы и ушла.

- А почему? – не поняла женщина.
- Потому что она забрала бы у вас жизнь.
- Ты хочешь сказать, что я умерла бы? Из-за этой твари?
- Это так.

Моя подопечная замолкла, обдумывая сказанное.

- Куда же делась эта тварь? – спросила она, наконец.
- Вы ее уничтожили, – улыбнулся я.
- Уничтожила?! – ее изумлению не было предела. – Но как?!
- Вы захотели этого, как захотели, чтобы эта долина стала больше, чтобы беседка изменилась, чтобы на столе появились напитки. Вы Плетущая, неосознанная Плетущая. Знайте это, если еще не догадались.

– Я? – ее глаза округлились еще больше.

– Да, – кивнул ей в ответ. – У вас мощный потенциал, чтобы стать по-настоящему сильной Плетущей.

Моя собеседница как-то вдруг ссутулилась и поникла головой.

– Я уже слишком старая, чтобы учиться.

– Если вы в самом деле считаете себя таковой, я не буду вас разубеждать, – спокойно сказал ей. – Однако вы должны знать, что Плетущие – это не просто выпускники какой-то школы или иного другого учебного заведения. Плетущие – это те, кто в состоянии осознать необходимость своего труда, направленного в большинстве случаев на помощь людям.

– В большинстве? – переспросила она.

– Да, – ответил я ей крайне серьезно. – Мы не ангелы и не творим добро ради добра. Мы поступаем так, как должны. Так, как правильно. И случаются такие ситуации, когда, кроме нас, некому наказать того или иного человека.

– Что значит наказать?

– Именно то, что я сказал. Бывает так, что люди, заслуживающие самого жестокого наказания, успешно избегают его и продолжают радоваться жизни. Вот в таких случаях мы караем избежавших наказания.

– Как? – тихо спросила она.

– О нет, Плетущие не убивают людей, – заверил я женщину, видя, что ход ее мыслей направлен в неверную сторону. – Мы превращаем сны таких людей в сплошные, непрекращающиеся кошмары.

– Жестоко, – уронила она.

– Может быть, – не стал спорить, – но заслужено.

– Кто решает, заслуживает ли тот или иной человек наказания? Существует какая-то система, организация? Или все происходит по личной инициативе?

– У Плетущих есть своя организация, так называемый Совет, но он не принимает участия в подобных делах. Его функции ограничены лишь внутренними делами Плетущих. А решения, связанные с обычными людьми, действительно принимаются индивидуально и претворяются в жизнь без каких-либо бюрократических проволочек: подачи заявлений, рассмотрения дела, вынесения приговора. Плетущий сам себе и судья, и адвокат, и прокурор. Он сам выносит приговор, и сам его исполняет.

– А если он ошибется? Если пострадает невиновный? – заволновалась моя собеседница.

– Вы не совсем понимаете, о чем идет речь. Необходимости что-то кому-то доказывать нет по одной простой причине – сны не могут лгать. Человек физически не может обмануть свое сознание. Он может лгать наяву, может вводить в заблуждение следствие, если речь о преступнике, он может лгать родным, близким, но обмануть себя невозможно.

Моя подопечная слушала внимательно. Она перестала хмуриться и задала следующий вопрос:

– А если Плетущий захочет... насрать кошмары просто так, не преступнику, а просто первому встречному?

– Этот вопрос из серии: «А если кто-то пойдет в оружейный магазин, купит там винтовку и начнет стрелять по случайным прохожим», – ответил я. – Объясню понятней. Чтобы насрать на человека кошмары, нужно уметь это делать. Для этого нужно быть Плетущим, то есть выучиться полные десять лет. За это время моральные, этические и нравственные установки вбиваются очень прочно, я бы сказал: незыблемо. Это если не учитывать того, что Плетущим не может стать психически неуравновешенный или просто агрессивный человек. Такие отсеиваются в первый год обучения...

– Ты говоришь все правильно. Наверное, – произнесла женщина. – Но я слишком далека от всего этого.

– Вам решать, насколько сильно вы хотите стать настоящей Плетущей.

– Я хочу... Но зачем мне это?

– Вы сами должны ответить на этот вопрос. Вас никто не заставляет. Право выбора – за вами.

– Я подумаю над твоим предложением, – сказала она задумчиво.

– Когда решите, если решите, – поправился я, – дайте мне знать.

– Каким образом?

– Через птицу, – я кивнул на орла, задремавшего прямо на спинке кресла. – Позовите его, и когда он прилетит, скажите ему то, что хотели бы передать мне. Я сразу узнаю о вашем решении или просто о просьбе увидиться. Если в это время буду пребывать во сне.

– Хорошо, я... – она осеклась на полуслове, закаменела лицом.

– Что случилось? – я встал с кресла, огляделся, «созерцая» – нет, ничего не увидел и не почувствовал, не было никакой опасности, да и Страж продолжал мирно дремать.

Прошла целая минута, и глаза женщины ожили, она сделала судорожный вздох. Моя собеседница закрыла лицо руками, потом – помассировала виски, и, наконец, подняла на меня глаза. Увидев, что с ней все в порядке, я опустил обратно в кресло, но ее взгляд меня насторожил.

– Тебе нужно идти, – произнесла она напряженно, – чтобы спасти своего друга... Мишу.

– Вы сейчас... только что... – я силился подобрать нужные слова.

– Да, я сейчас видела.

– Что именно?

Она не спешила отвечать и продолжала напряженно следить за мной.

– Тебе нужно решить, что будешь делать, – моя подопечная странно смотрела на меня.

– Я слушаю.

– Сегодня ночью твой враг убьет твоего друга. Он не будет ждать семь дней.

– Вы сейчас видели, как Миша погибнет? – чужим голосом переспросил я, ни на миг не усомнившись в истинности ее слов.

– Да, – тихо ответила женщина.

– Как скоро это произойдет?

– Сегодня ночью.

– Вы уверены, что именно сегодня?

– Абсолютно.

– Как это случится?

– Твой друг умрет от пули.

– Кто это сделает? Вы видели? – кажется, я перестал дышать.

– Да, но... – она запнулась. – Я просто не могу поверить увиденному. Это слишком... неправильно.

– Вы знаете этого человека, убийцу?

Моя подопечная кивнула, опустила глаза и нахмурилась еще сильнее. Это плохо, очень плохо, потому что она могла знать только одного Плетущего. Мои подозрения, в которые я сам не хотел верить, похоже, оправдывались. Совершенно ясно, о ком она говорила, но я сделал последнюю попытку.

– Вы знаете, что Плетущие могут менять внешность?

– Нет, не знаю. Откуда? – она тотчас подняла на меня глаза, в которых прочиталась страстная надежда. – Значит, я могу ошибаться? Значит, я могла видеть совсем не Марину?

– Все может быть, – что еще я мог ей сказать? – Где произойдет убийство?

– Я не уверена, но, по-моему, в больничной палате. Твой друг лежал на кровати без сознания, рядом стояли какие-то приборы, вокруг все белое, а потом... потом появилась Марина. Она подошла к нему, какое-то время просто стояла у койки, затем достала откуда-то пистолет и выстрелила твоему другу в голову... Это просто чудовищно, – нервно теребя край пледа, моя собеседница умолкла и отвернулась в сторону.

Несколько секунд я еще сидел, а потом встал, с громким звуком отодвинув массивное кресло. Орел открыл глаза, огляделся и снова смежил веки. Медлить было нельзя. Но все же я спросил. Спросил, хотя где-то очень глубоко уже знал ответ на свой вопрос.

– Что вы имели в виду, когда сказали, что мне нужно решить, что я буду делать?

Моя подопечная посмотрела мне в глаза, в которых я с огромным удивлением прочитал жалость и даже страх. Холод сковал мое сердце от этого взгляда.

– Ты должен решить, – наконец промолвила она, – будешь ли выручать своего друга. Я видела, что ты отвернешь от него смерть, если придешь на помощь.

Птица снова открыла глаза, почувствовав сильную тревогу своей хозяйки. Орел огляделся вокруг и остановил взгляд своих черных глаз на мне. Неожиданно сильно задул ветер. Он погасил почти все свечи и взъерошил перья на спине Стража. И под немигающим взглядом встревоженных глаз птицы и все сильнее разрастающийся внутри меня холод я услышал:

– Ты спасешь своего друга, но сам погибнешь, – гулким колоколом прозвучал в голове неотвратимый приговор. – Твоя смерть придет быстро, и ты ничего не успеешь сделать. Все, больше я ничего не видела. Прости меня...

Часть 2

Через замочную скважину

*– Но путешествие во времени противоречит здравому смыслу!
– А что такое здравый смысл? – спросил Путешественник во
Времени.
Герберт Уэллс. Машина времени*

Глава 1

Как странно.

По сути, я иду сейчас навстречу своей смерти, но отчего-то чувствовал себя совершенно спокойно.

Почему я делаю это? Почему не сверну и не откажусь от своего пути? Почему я не сделаю вид, что пытаюсь добраться и помочь, но у меня ничего не получилось, и я опоздал? Почему я не вспомню, что у меня есть мои детки и так сильно любящая меня жена? Почему я подчиняюсь приговору судьбы?

Еще несколько минут назад эти вопросы кипели, яростно kloкотали внутри меня, заставляли сбиваться с шага.

– Потому что я Плетущий, – так звучал первый пришедший мне в голову ответ.

– Ну и что? – отвечало мое второе я, которое не меньше первого хотело получить ответы на эти вопросы, но ответы четкие и ясные, а не акварельную мазию.

– Потому что я не могу бросить Мишу умирать, – таким был второй ответ.

– А про свою семью ты забыл?

– Он мой друг, и ему нужна помощь!

– А кто поможет тебе?!

– Видящая могла ошибиться.

– Бред! Ни разу, ни один Видящий не ошибался в своих предсказаниях!

– Но моя подопечная может оказаться не Видящей, а обычной Плетущей с даром предвидения.

– Это самое точное определение Видящих!

– Дар может быть слабым, а предвидение неточным.

– Бред! Бред! Дар один и не может быть сильным или слабым. Он или есть, или его нет!

Третьего не дано!

– Я не дам убить себя!

– Если бы не дал, то Видящая так бы и сказала: «Тебя попытаются убить!» Так почему же ты шагаешь своей смерти навстречу, Оружейник?!

– Я не могу бросить Мишу умирать, потому что он мой друг!

– Ну и что?!

– Ничего.

– Это не аргумент! Нужна причина! Причина, по которой я умру сегодня ночью!

Станный диалог затих на целую минуту, а потом какое-то мое я, точно не знаю, какое именно, выдало:

– Я иду на смерть, потому что мой друг сделал бы то же самое для меня.

И споров больше не было. Я был абсолютно точно уверен в своей последней мысли. Если бы сейчас я, а не он, пребывал в коме, и меня должны были убить, и Миша знал об этом, он

пришел бы мне на выручку и спас от гибели. Даже ценой собственной жизни. Ни на миг я не усомнился в этом. И не усомнюсь. Не считая Рыжего и Сони, он мой самый близкий друг, хотя даже они не так близки, как Миша.

После того, как меня перестали терзать сомнения, и пришло то странное спокойствие, в котором я пребываю до сих пор.

Как странно.

Думаю ли я сейчас о прожитой жизни? Мелькает ли она перед глазами? На оба вопроса ответ один: «Нет». Моя жизнь застрахована в первую очередь от смерти во сне. Формулировка звучит слишком размыто, но страховая компания с ней согласилась. Тем более, ежегодные платежи составляют немаленькую сумму. Страховой выплаты, имеющей семизначное значение, моей семье хватит на много лет. Я еще не учитываю выплат из нашего фонда, Плетущих, в который каждый из нас вносит необременительные для собственного бюджета взносы.

Мне очень жаль, что дочки больше не увидят своего папу, а жена – мужа. Но так уж складываются обстоятельства. В конце концов, рано или поздно мы все умираем. И только от нас зависит, как мы уйдем: без сожаления и с честью или в сомнениях и страхе от того, что когда-то испугались, не решились на Поступок.

Как бы то ни было, но я не собирался погибать, покорно прогнувшись перед судьбой. Я сделаю все, чтобы спасти Мишу, и если на моем пути встанет Марина Яковлевна, рука моя не дрогнет. Я все еще не верю словам Видящей о скорой смерти, подсознательно ожидая, что она ошиблась. Чего уж таить, сознание попросту отказывается верить в свое скорое забвение.

Я шел по асфальту прямой, как стрела, дороги, которая разрезала сухую степь, раскинувшуюся вокруг на сколько хватало глаз. Над головой – ясное, безоблачное небо бледно-голубого, почти белого цвета. Откуда-то сбоку дул слабый ветер. Он лениво поднимал в воздух пыль и гнал по земле остатки высохшей на жарком солнце травы. Воздух был сух и безвкусен, как диетический хлеб трехдневной давности. Солнце зависло высоко в небе ярким, жарящим фонарем. Под его лучами по спине и груди под одеждой стекал пот. Я почти не отбрасывал тени – солнце стояло в зените.

Я был настолько спокоен, что даже не сразу заметил эту удушливую жару, а когда обратил на нее внимание, небо, повинувшись моей воле, вскипело серыми облаками, скрыв от меня светило. Сразу стало легче дышать, но мокрая от пота рубашка все еще неприятно липла к телу. Я совершил короткую остановку и переоделся в сухое. Протер влажные от пота волосы и надел на голову шляпу с широкими полями. «Ковбой», – успел подумать я, прежде чем на горизонте что-то сверкнуло, отразив пробившийся сквозь облака солнечный свет. Я стал всматриваться, но бликов больше не было, хотя, признаться, трудно было что-либо разглядеть в мареве поднимавшегося с земли раскаленного воздуха.

Настроившись нужным образом, я взгляделся вдаль, «созерцая». Два человека, самые обычные, не Плетущие и не твари, были еще довольно далеко от меня. «Достал» бинокль и приник к окулярам. Поднимая тучу пыли, по дороге в мою сторону двигался автомобиль. Мне показалось, что его марка мне знакома, но спустя минуту я вынужден был признать, что впервые видел такую машину. Несмотря на большое расстояние, автомобиль быстро приближался и спустя какое-то время остановился, не доехав до меня совсем немного. Клубящаяся пыль охватила меня со всех сторон, но поднявшийся ветер быстро отнес ее в сторону. С большим интересом я наблюдал за замершим неподалеку транспортным средством. Нет, это был не автомобиль, потому что у них должны быть колеса, а эта машина совершенно бесшумно просто висела в воздухе в метре над землей. Но вот в ее борту появилось и на глазах расширилось отверстие, и вместе с этим тишина этого безмолвного места взорвалась новыми, незнакомыми звуками. Буду считать их музыкой, потому что в них отслеживался некий ритм и очень своеобразная музыкальность. Из расширившегося отверстия в борту машины появился человек. Он огляделся по сторонам, остановил взгляд на мне и легко спрыгнул на землю. Это оказался

молодой мужчина двадцати-двадцати пяти лет, смуглый, темноволосый и кареглазый. Он был выше меня почти на голову – это стало ясно, когда парень подошел ближе. На нем – обычная майка светло-зеленого цвета, «песочные» штаны со множеством карманов, заправленные на армейский манер в высокие, похожие на мои, ботинки. Неизвестный окинул меня быстрым изучающим взглядом, задержал его только на ключицах и предплечьях, видимо, в поисках знаков различия, потому что моя одежда носила ярко выраженный военный характер. Не дождавшись от меня никакой реакции, незнакомец первым нарушил молчание:

– На базу?

У меня не было ни капли желания разводить беседы с незнакомыми людьми и терять время.

– А ты?

Он посмотрел удивленно и сделал неопределенный жест в сторону своей машины. Тотчас «музыка» умолкла, чему я был только рад.

– Вообще-то в той стороне, – он указал рукой туда, куда я направлялся, – только база.

– Сколько до ближайшего города? – спросил я, только чтобы что-нибудь сказать.

– До Ньювика пятьдесят миль, – со все возрастающим удивлением ответил он. – Ты направляешься туда?

Я не успел ответить, потому что из недр машины появилось и спрыгнуло на землю новое действующее лицо. Это оказалась девушка. Она была одета на тот же армейский манер, но лицо ее скрывали большие линзы солнцезащитных очков.

– Привет, – она подошла и встала рядом с парнем.

– Привет, – ответил я, узнав этот голос.

Девушка встряхнула своими темными волосами и поднесла ладонь к лицу, но не сняла очки, как я ожидал, а слегка коснулась одной из дужек. Черные линзы стремительно посветлели и за несколько секунд стали прозрачными. А на меня поглядели такие знакомые и такие чужие голубые глаза.

– Меня зовут Софи, – представилась она. – А это мой друг, Саймон. Мы едем на базу и можем подбросить тебя.

Похоже, мне придется задержаться в этом сне. Судя по их лицам, мне плохо удалось скрыть удивление. А я был не просто удивлен, я был поражен внешним сходством темноволосой девушки с той, кого знал под этим же именем.

– Отлично, – сказал. – Я не откажусь от вашего предложения.

– Вот и хорошо, – улыбнулась Софи. – А где твои вещи?

– Я налегке, – ответил и пожал плечами. – Так уж получилось.

– Но ты же мог погибнуть! – вскинул брови Саймон. – Через десять минут будет буря, а без защиты ты не выживешь!

– Сай, ну что ты пристал к человеку? Может быть, его подобрали бы другие. Траса-то оживленная, – ответила ему девушка и задумчиво добавила, обратившись ко мне. – Мы не встречались раньше? Ты, кстати, не представился.

– Меня зовут Макс, и мы раньше не встречались, хотя ты очень похожа на одну мою хорошую знакомую.

Я вздрогнул от неожиданности, когда справа от меня, на дороге, прямо из-за спины, появился скользкий по воздуху... контейнер светло-серого цвета. Иное подходящее название сему вагону метров двадцати в длину подобрать мне было сложно. Он завис над дорогой, и в его передней части сбоку появилось небольшое отверстие, из которого высунулась голова.

– У вас проблемы?

– У нас все в порядке, сэр, – ответил Саймон.

– Тогда вам нужно как можно скорее двигаться дальше, – сказала голова. – Через восемь минут будет буря.

– Сейчас же отправляемся! – заверил парень. – Спасибо за напоминание, сэр!

Голова удовлетворенно кивнула и исчезла в отверстии, которое тотчас затянулось. Грузовик, а я уверен, что это был грузовик, бесшумно тронулся с места и, набрав скорость, быстро удалился. Я успел разглядеть на его борту белую пятиконечную звезду, заключенную в круг.

– Сержант прав, – обратилась ко мне Софи. – Нужно ехать.

Зависшая в воздухе машина опустилась ниже, когда мы подошли к ней. Теперь не нужно было забираться на метровую высоту, а всего лишь поднять ногу до уровня колен, поставить ее на порог, ухватиться рукой за поручень сбоку, подтянуться. Следом за мной забралась девушка, а Саймон уже занял водительское кресло. Софи нажала большую красную кнопку над проемом, и тот быстро затянулся, отрезав нас от внешнего мира. Боковых окон внутри не оказалось, а сквозь узкое ветровое стекло было видно, что мы уже движемся, хотя ускорения совсем не ощущалось. Интерьер салона не порадовал воображение. Кресло водителя находилось впереди слева, рядом с ним, сбоку, – такое же. Приборная доска выглядела вполне привычно, только всевозможных кнопок и переключателей на ней было больше. Имелись еще два встроенных в «торпеду» монитора дюймов по десять каждый, и один поменьше, клавиатуры под ними. В ширину салон был не меньше четырех метров, а в длину, я обернулся, примерно столько же. Диван заднего сиденья, на котором сидели мы с Соней, не доставал до борта с одной стороны примерно метр. Судя по всему, это был проход в багажный отсек, скрытый от меня задней перегородкой.

– Буря через семь минут, – не поворачиваясь к нам, произнес Саймон.

Меня удивило отсутствие боковых окон, но я старался сохранять спокойное безразличие, будто каждый день катаюсь на скользящих по воздуху машинах. Да и вообще, если честно, меня крайне заинтриговал этот сон. Наверняка его видел кто-то из моих попугачиков, а ему, в свою очередь, снился второй. Очень интересно и очень реалистично.

– Если не секрет, – нарушила девушка молчание, – откуда ты? И почему ты без вещей?

– Потерял, – пожал я плечами, игнорируя первый вопрос, и сменил тему. – Вы не очень похожи на солдат.

– Мы и не солдаты, – ответил со своего места Саймон. – Пока.

– Пока?

– Да, – сказала Софи. – Мы ведь едем на базу, чтобы стать ими. А ты разве не для этого туда направляешься?

– Не совсем, – ответил я уклончиво.

– Ты так и не сказал, откуда ты, – напомнила девушка.

– Разве нет?

– Нет, – покачала она головой.

– Хорошо, только я прошу вас не удивляться.

– Сейчас трудно кого бы то ни было удивить хоть чем-нибудь, – уронила Софи.

– Я стараюсь особо не рассказывать никому, но я просто путешественник.

– Путешественник? Ты? – парень даже голову повернул.

– Я, а что здесь такого?

– Ты или очень смелый человек или просто глупец, – ответила за него девушка.

– Не понял, – невольно нахмурился я.

– А что здесь непонятного? В наше время путешествовать налегке может только самоубийца, – пояснила она. – У тебя нет ни машины, ни защиты от бурь.

– Так сложились обстоятельства, – похоже, с каждым словом я вызывал к себе все больше недоверия.

– Видимо, ты нас совсем дураками считаешь, – снова подал голос парень и развернулся лицом к нам вместе с креслом. Машина при этом продолжала двигаться с прежней скоростью и прежним курсом, наверное, на автопилоте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.